

2017 № 2

Евгений БЕЛЖЕЛАРСКИЙ

Дмитрий ДРОБНИЦКИЙ

Алексей КОЗЫРЕВ

Валерий РАСТОРГУЕВ

Василий ЩИПКОВ

ЕТРАДИ

Русской
экспертной
школы

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 2

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
ТЗ7

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

ТЗ7 **Тетради Русской экспертной школы** : научное издание / Под ред. В.А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-610-5

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинаре Школы 18 февраля 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: кто создаёт современных «литературных классиков», что нам даёт представление о России как о стране-цивилизации, каковы истоки русофобии в США, чем «компетенции» угрожают знаниям в современных образовательных подходах и как христианский взгляд влияет на историческую память в России.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-610-5

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В.Н. Расторгуев

Что нам даёт представление о России
как о стране-цивилизации? 5

Е.А. Белжеларский

Литературные премии и идеология
(как делают «классиков») 31

Д.О. Дробницкий

Истоки русофобии в США 51

А.П. Козырев

Компетенции вместо знаний:
работает ли болонская система в России 80

В.А. Щипков

Язык и время: на каком языке
мы будем разговаривать в XXI веке 113

Эксперты номера

Белжеларский Евгений Александрович

политолог, филолог,
литературный критик

Дробницкий Дмитрий Олегович

политолог, специалист по внешней
и внутренней политике США

Козырев Алексей Павлович

заместитель декана философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент

Расторгуев Валерий Николаевич

профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
д-р филос. наук.

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы,
канд. филос. наук

ЧТО НАМ ДАЁТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОССИИ КАК О СТРАНЕ—ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Для начала — небольшое введение — об удивительном совпадении и личном опыте.

Сразу скажу, что это первая лекция в моей жизни (а я прочел сотни публичных лекций), когда лектор имеет моральное право свободно отходить от темы и пропускать целую систему обоснований без вреда для качества изложения. Такое ощущение свободы иногда возникало у меня на некоторых крупных международных конференциях, когда полные версии докладов раздаются участникам заранее, а докладчики вольны либо пересказывать наиболее значимые тезисы, либо включаться в дискуссию, отсылая слушателей к тексту своего доклада. Но здесь не конференция такого уровня, и доклады не раздавались. Но произошло маленькое чудо. Дело в том, что у каждого из вас совершенно случайно под руками оказался полный текст моей развёрнутой статьи по этой же теме. Она помещена в первом номере журнала «Вестник Экспертного совета ВРНС», который начал выходить в этом году. А стопка этих журналов лежит перед вами на столе. Так получилось — как мне сказали, журналы остались от прошлой встречи.

Всемирный Русский Народный Собор — одна из наиболее престижных экспертных площадок в современной России. Собор объединяет и ведущих политиков страны, и известных учёных — отечественных и зарубежных, и, конечно, деятелей церкви. А руководит Собором, как вы знаете, Предстоятель церкви — Святейший Патриарх Кирилл. Этот факт накладывает дополнительную ответственность за освещение темы, так как Его Святейшество не раз говорил о цивилизационной специфике России. Поскольку перед вами есть полный

текст с фактами и обоснованиями, это позволит вам после лекции критически осмыслить всё, о чём я буду говорить, вникнуть в детали и тонкости теории, которые обычно во время лекции теряются из виду.

Теперь несколько слов о названии нашей лекции. Оно было предложено организаторами, но задача показалась мне чрезвычайно интересной, так как такое название требует совместить две темы. Первая — рассказ о цивилизационной теории применительно к истории и судьбе России. А вторая тема-вопрос звучит интригующе: «что нам дает это представление?» Такой вопрос придает особый смысл диалогу, высвечивает наше отношение к устоявшимся представлениям о цивилизационном пути России, которые уже сложились в науке и, что еще важнее, в нашем языке и массовом сознании. Но если это *наше* представление, то, следовательно, и моё, сугубо личное, и ваше. Поэтому сразу возникает ряд новых вопросов: отличается ли моё представление от вашего, можно ли их совместить и, наконец, изменится ли наше общее представление о проблеме после лекции?

Но начну я с сугубо личного отношения к проблеме, которая имеет и отвлечённо-теоретический, и остро политический аспекты. Мне было бы интересно вместе с вами взглянуть на тему и с той, и с другой стороны, поскольку я, действительно, попробовал себя на самых разных поприщах, в том числе в тех сферах деятельности, которые казались мне не вполне достойными того, чтобы им отдавать время и душу. Речь идет, конечно, о политике — как публичной, так и закрытой. В молодости я считал, как и многие из тех, кто наблюдает за политической борьбой без правил со стороны, что политика — это грязное дело, а нормальный человек, у которого есть любимая профессия, конечно же, никогда не променяет её на политику. Не променяет и потому, что не захочет «пачкаться», и потому, что побоится «выпасть из профессии», даже на время.

Но жизнь сложилась так, что многие годы отдал именно политике. Правда, это было связано с тем, что надо было защищать свою Тверскую программу — федеральную программу развития Тверской

области (территории Великого водораздела). К цивилизационной проблематике я пришёл именно через эту программу. Кроме того, я сторонник теории личностного знания М. Полани, поскольку убеждён, что глубинная личная мотивация, основанная на собственном опыте, в научной работе не менее важна, чем сама работа.

Очень коротко расскажу о программе, о которой могу говорить часами, но не в этот раз. Она зародилась как чисто теоретическая задумка, но через небольшой срок после «зачатия» уже была признана в кругу специалистов, а потом включена в число государственных программ, вошла в узкий список основных федеральных программ Российской Федерации. А произошло это в два захода. Сначала её приняли в Палате Национальностей Верховного Совета РСФСР, а после расстрела Верховного Совета (Белого дома) все эти решения потеряли смысл, а саму программу пришлось заново обосновывать и защищать уже в Правительстве России и в Администрации Президента. Но когда парламент перестал существовать, в один миг обесценились многолетние усилия, в том числе огромная работа по организации международной и политической поддержки научной идеи. Правда, я всегда был убеждён, как убеждён и сегодня, что к этой программе Россия всё равно вернётся. Но, к сожалению, это произойдёт после неизбежных катастроф, которые уже предопределены тем фактом, что люди не представляют себе масштабы угрозы, заложенной безграмотным и безответственным планированием, не учитывающим природную программу земли, специфику территорий — особо ценных и одновременно особо опасных. Одна из них — ядро Великого водораздела Русской равнины.

Говорят, что мы не знаем наше будущее, а потому не можем ничего предугадать с уверенностью. Всё с точностью до наоборот: в будущее уже переместились все наши ошибки и там ожидают нас. Дело в том, что почти все те техногенные катастрофы, которые произошли в мире, были, по сути, «запланированы» заранее, иногда задолго, за десятилетия до развязки. «Запланированы» либо безответственно-

стью, бездеятельностью, либо заведомо ошибочными решениями. Катастрофа глобального масштаба на АЭС Фукусима-1, ставшая угрозой всей современной цивилизации, произошла, к примеру, не в момент бедствия, когда разразилось землетрясение необычайной силы, а в те дальние времена, когда Японии навязали концепцию строительства атомных станций в регионе, где ни при каких условиях не следовало закладывать ядерную мину. Я вспомнил о Фукусиме, поскольку в самом ядре Великого водораздела также заложена мина похожего типа: Калининская АЭС была построена в самом ядре водораздела трёх великих рек, которые впадают в три моря. Почти из одной точки берут начало Волга, Западная Двина (ниже по течению — Даугава) и Днепр, которые впадают Балтийское, Каспийское и Чёрное моря. Водораздельных гидроузлов такого типа немногим меньше сорока на планете, и только один из них выделяется от остальных по степени риска на порядки. Даже малосведущий человек, если взглянет на карту, легко может себе представить последствия ядерной аварии в этой уникальной зоне, а точнее, болевой точке, расположенной между Москвой и Санкт-Петербургом.

Не буду рассказывать, сколько усилий пришлось приложить, чтобы Тверская программа, призванная стать стратегией развития всего этого региона и снизить риски, стала известной населению и властям, чтобы она была одобрена, профинансирована и включена в перечень федеральных программ. Причём сделано это было без денег, только на чистом энтузиазме тех учёных и политиков, которые программу поддержали. Когда расстреляли Белый дом, то что же мне, инициатору и руководителю программы, оставалось делать, чтобы вернуть её к жизни? Пришлось самому идти в политику. Причём, я помню этот переломный день очень отчётливо. В день расстрела Белого дома утром из Москвы отправлялся теплоход с иностранными и русскими учёными, а я делал доклад и говорил, что политика — грязное дело, что учёным если и следует участвовать в политике, то только в качестве экспертов. К тому времени я уже несколько лет работал

экспертом в Палате Национальностей Верховного Совета. Но уже после доклада, на первой остановке, мы узнали о событиях в Москве. По возвращении пришлось принять участие в выборах. Люди голосовали не столько за меня, сколько за программу. Поход в политику — успешные выборы в Совет Федерации — позволил сохранить статус программы, но не надолго — только на тот срок, пока был сенатором. Потом удержать её не удалось, но это было связано уже не с федеральной властью, а с властью региональной. Всё было предельно просто: к власти в губернии пришла группа тёмных личностей с преступными наклонностями, которые перекрыли кислород, поскольку любая программа делает подконтрольным процесс распределения бюджетных денег, связывает чиновников по рукам, ломает коррупционные схемы. Губернатор позднее был посажен в тюрьму, но это другая история. Кстати, если мы хотим понять, почему в России так тяжело идёт стратегическое планирование, то одну из причин я только что назвал.

Теперь по сути вопроса — о том, как эта программа связана с цивилизационным развитием России. Причин две. На самом деле их больше, но я остановлюсь на двух важнейших, поскольку они сразу проясняют суть двух подходов к изучению цивилизации. Эти подходы иногда конкурируют, противостоят друг другу, а иногда уживаются в рамках отдельных теорий, дополняя друг друга. У теорий в этом смысле всё, как у людей.

Первый подход — это так называемое моноцивилизационное развитие, то есть продвижение человечества по пути прогресса, по пути к высшим достижениям во всех областях культуры, науки и техники. Такое развитие идёт, естественно, не одинаково в различных странах и регионах, в результате чего возникает колоссальный разрыв между странами-лидерами и странами-аутсайдерами, между цивилизованными народами и нецивилизированными. Это старая схема, позволяющая делить мир на носителей цивилизации и варваров. Разумеется, оборотной стороной такого прогресса являются бесчисленные риски, и самые масштабные из них — это риски самоуничтожения

цивилизации в результате ядерных катастроф. Надо ли объяснять, что Тверская программа входила в число программ минимизации глобальных экологических рисков. Кстати, по этой причине её включили когда-то в соглашение между Россией и США «Гор-Черномырдин».

Второй подход связан с другой группой цивилизационных теорий, где предметом анализа является не общечеловеческая цивилизация и не цивилизация-образец, которому следует подражать всем народам (такую роль уже давно, несколько столетий играет Европейская цивилизация), а семья самостоятельных цивилизаций — живых и мёртвых. Среди живых цивилизаций, которые не израсходовали свои жизненные силы, выделяют, как правило, Русскую цивилизацию, которая, по словам основателя полицивилизационного подхода Николая Яковлевича Данилевского, великого русского мыслителя, потому и сохранила свой потенциал, что её защищает мощная «скорлупа». Так он называл Российское государство. Отсюда, кстати, и берёт начало понятие «государство-цивилизация». Но как связано возникновение Русской цивилизации с программой защиты территории Великого водораздела? Самым непосредственным образом. Только одно и самое простое пояснение: как вы понимаете, в одной условной точке планеты сходятся три реки, то есть три главных дороги, которые пронизывают огромные территории, связывая их в единое целое. Если брёвна спускаются вниз по течению, то люди, представляющие разные народы и культуры, по рекам поднимаются к истокам, где узнают друг друга. Таким образом, истоки рек превращаются в истоки новых культур, новых цивилизационных общностей. По этой причине именно истоки в зоне Великого водораздела, так называемый Оковский лес (Верхневолжье), вошли в нашу историю. Вы можете встретить это красивое название в Повести временных лет. Из истории следует, что это именно та территория, на которой и зарождалась общность, которая потом будет названа «великоросский народ». Это один из мощных центров генезиса русского народа в широком понимании этого слова, столь же значимых, как Киевская земля. Естественно, что цивилизационная

тематика лежала в основе этой программы (её гуманитарных разделов), и большое количество учёных в России и за рубежом эту идею поддерживали.

Мой старший друг, уже давно ушедший из жизни, академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, изучавший историю написания этой древней летописи, одну из работ начал со слов летописца, который сравнил книги с реками: «Се бо суть реки, напаяюще вселенную». По мнению Лихачёва, это сравнение как нельзя более подходит к самой летописи: «Величавое и логическое изложение летописью русской истории действительно может быть уподоблено торжественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — «исходищ мудрости» — родилась и «Повесть временных лет» — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произведение эпическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины»¹.

Замечу в этой связи, что именно Д. С. Лихачёв, который хорошо понимал значимость Тверской программы и в плане экологическом, и в плане культурном (цивилизационные истоки России должны быть чистыми во всех смыслах этого слова!), оказал исключительно ценную помощь, когда программу надо было возрождать после пролома. Дело в том, что имя Лихачёва было всемирно известно, и оно оказывало магическое действие на наших вождей. К нему с особым

¹ Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 2. Великое наследие. Л.: Худож. лит., 1987. С. 155.

вниманием прислушивался Михаил Горбачев, а Борис Ельцин читал его письма «напрямую», без задержки. Письма попадали к нему, минуя длинную цепочку чиновников, через которых обычно проходит вся почта, адресованная президенту. Когда я подготовил письмо от Лихачёва Ельцину с просьбой поддержать программу, Дмитрий Сергеевич, внимательно прочитав текст, покачал головой и сказал: «Может не понять». После этого он вверху страницы в её левом углу крупным почерком написал короткое личное обращение, которое завершил словами: «Борис Николаевич! Если Вы не поддержите эту программу, погибнет вся Россия — от Белого моря до Чёрного». В верхнем правом углу появилась положительная резолюция президента.

А теперь, после неподготовленного, но важного, по-моему, введения, перехожу к сути проблемы. Наша следующая тема — **локальные цивилизации и внутрицивилизационные разломы, страны-цивилизации и роль личности в становлении цивилизаций**.

Но и здесь нас ждут неожиданности. Мы снова столкнемся с неповторимым стечением обстоятельств. Я неоднократно читал лекции и даже большие лекционные курсы по теме «Россия — государство-цивилизация», но всегда старался не повторяться. Самому хочется узнать что-нибудь новое из собственной лекции. И это возможно. Для того чтобы лекция каждый раз была уникальной, я часто использую один предельно простой приём: когда иду на лекцию, заглядываю в календарь. Дело в том, что события, в том числе великие события, которые изменили ход развития человеческой цивилизации в целом и Русской цивилизации в частности, возвращаются к нам в качестве памятных дат, которые нельзя забыть, пропустить. Иногда они напрямую связаны с нашей темой и заслуживают нашего внимания, поскольку каждый раз приоткрывают скрытые от глаз исторические связи и факты. История так устроена, что она постоянно подсказывает: «не забудь

главное». Назову события только этого дня — 18 февраля, которые произошли в разные эпохи, но именно они дадут нам ключик для понимания того, что такое цивилизации. Потому что у каждого из вас существует огромное количество работающих в сознании концептов, определений, смыслов, которые в это слово вкладываются. Большинство понятий, которые есть у нас в языке, мы употребляем, не задумываясь, и правильно делаем: стоит задуматься, и возникнет ступор, как у той сороконожки, которая задалась на свою беду вопросом, с какой ноги начинать движение.

Если вы будете слушать речь кого-нибудь лектора или политика, который рассуждает о цивилизации, то будьте готовы к тому, что во всех случаях, когда он упомянет слово «цивилизация», он будет иметь в виду десятки разных значений, которые иногда исключают друг друга. И удивляться этому не приходится. Цивилизация — это и современность с её новейшими достижениями, и глубокая древность, скрывающая истоки наших родов, это и образ поступательного движения всего человечества, и противостояние различных непохожих культурных миров. Этим же словом обозначают и приглашение в якобы общий мир, где на первый взгляд нет и не может быть границ, как их нет у наук и искусств, и вместе с тем именно здесь проходит разделение мира на своих, избранных, то есть цивилизованных, и чужих — варваров. Только прислушайтесь, например, к слову «цивилизаторы», и вы почувствуете, что от него исходит прямая угроза.

Можно ли преодолеть эту многозначность? Можно, но для этого придётся устранить хотя бы на время из своего языка слово «цивилизация», заменяя его на те более точные определения, которые соответствуют слову в каждом конкретном случае. Я несколько раз проводил такой трудный эксперимент, когда читал курсы по цивилизационной тематике. Сразу скажу, что это чрезвычайно сложный приём, который требует очень большого внимания и напряжения от аудитории. Аудитория должна быть небольшой, чтобы смотреть глаза в глаза, не пропустить ни одной мысли, ни одного значения. Для это-

го надо работать с текстами, авторы которых рассуждают о цивилизации. Если на одной странице автор говорит о цивилизации, например, пять раз, то, скорее всего, имеет в виду пять разных значений, не замечая подмены. На следующей странице то же самое. Почему это происходит даже с образованными и подготовленными людьми?

Причин много, но одна из них заключена в том, что за этим понятием стоит огромное количество авторских концептов, то есть понятий, которые наполняются вполне определённым смыслом только в тексте какой-нибудь книги известного автора, заслужившего, чтобы его помнили, а его теорию изучали. Но для того, чтобы выделять сотни авторских концептов, надо не только прочитать, но и изучить сотни книг, знать хоть что-то об эволюции воззрений мыслителей прошлого и современных учёных. Много ли на свете специалистов, которые проделали такую работу? Единицы. А много ли слушателей, которые знают хотя бы имена основных авторов, обогативших теорию цивилизации новыми идеями? Думаю, таких просто нет среди студентов, да и на публичных лекциях, когда собираются специалисты разных профилей, их тоже немного. Отсюда и непреодолимая многозначность. Для того чтобы понимать друг друга, люди пользуются словарными статьями, которые из-за краткости не дают ни малейшего представления даже об основных значениях понятия. И это, ещё раз повторюсь, только одна из сотни других причин, которые мешают нам проникать в суть вещей и слов. В данном случае — мешает открывать всю палитру значений понятия «цивилизация».

Но вернёмся к календарю, чтобы приоткрыть хотя бы некоторые из закрытых пока смыслов. Как я уже сказал, сегодня утром я посмотрел в календарь и понял, что никогда себе не прощу, если не расскажу вам о том, что именно в этот день, 18 февраля, правда, в 1517 году, покинул земной мир Мартин Лютер. Это имя до сих пор очень много значит для европейцев, вызывая у одних восторженную реакцию, поклонение, а других — лютую ненависть. В этом году, кстати, лютеране готовятся отмечать 500-летие с того дня, когда Лютер рас-

клеил на дверях храма свои тезисы — те самые 95 тезисов, ставших причиной тяжелейшего для западных христиан внутрицивилизационного раскола. А как возможен цивилизационный и тем более внутрицивилизационный раскол? Само упоминание о Лютере, о котором я бы и не вспомнил, если бы не сегодняшняя дата, приоткрывает ещё один глубинный смысл цивилизации: основным отличительным признаком большей части так называемых локальных цивилизаций были и остаются мировые религии. Для нашей, Русской цивилизации это православие, для европейской цивилизации — католицизм, но только до Лютера с его учением. Что стало причиной такого поступка профессора-богослова из университета? Почему распечатка его тезисов кардинально изменила весь ход развития Европейской цивилизации? Причина — «всего лишь» в том, что люди научились читать, а книги стали доступны. Эти 95 тезисов тут же были перепечатаны, распространены по всей Германии. Так и появилась ещё одна ветвь христианской цивилизации — лютеранство, протестантизм. А после этого — бесконечная череда кровавых и многолетних религиозных войн, которые истощили Европу, и раны от которых никогда не залечить. Сразу замечу, что Русская цивилизация по счастью не знает такой истории межконфессиональных войн в силу целого ряда причин, важнейшая из которых — миротворческая миссия Русской Православной Церкви. Но это особая тема, о которой надо было бы подробнее поговорить, если мы собираемся понять значение термина «государство-цивилизация» применительно к нашей стране и целому ряду других стран-цивилизаций. Среди них — Китай, Индия, Япония.

Сегодня страны-цивилизации переживают трудные времена, поскольку в двери стучится глобализация с тотальной унификацией человечества — и языковой (по прогнозам в течение жизни двух-трех поколений исчезнет до 90 % языков), и культурно-этнической (пример — новое смешение рас и народов в Европе), и цивилизационной. Но самое большое покушение на многоцивилизационный мир принесли с собой политические идеологии. Именно сегодня весь мир

готовится отмечать 100-летие Русской революции. Думаю, и сам этот юбилей что-то изменит в ближайшее время в политической жизни и в нашем сознании. Многие из нас, особенно молодёжь, только благодаря этой роковой дате открывают, а точнее, — приоткрывают для себя подлинную историю мира и своей родины.

Так и хочется спросить: если роль событий, даже тех, которые возвращаются к нам в виде юбилеев, так велика, то не означает ли это, что именно они властвуют над миром? Скажу сразу — в этом, казалось бы, совершенно безумном предположении заключено зерно истины. Посмотрите на графики передвижения лидеров ведущих стран — разве не подчинены они логике повторяющихся событий, в том числе и «циклических», разве так уж трудно предугадать, о чём будут говорить политики разных стран в дни юбилеев великих войн и революций?

Кстати, история обладает удивительными способностями — она помогает вспоминать прошлое (феномен коллективной памяти) и забывать его на время, но в одночасье. С юности я знал, что такое 14-й год, к примеру. 14-й роковой — это война, за которой последует крушение России исторической, гибель империи и династии. Не только я, разумеется, но и все хорошо понимали, о чём идёт речь — не о 1514-м, не о 1614-м, а именно о 1914-м годе! А теперь, когда пролетел 2014-й, мы говорим, ну, 14-й год. И что? Представляете, какая метаморфоза. Коллективная память стирает очень многие вещи или отодвигает на второй план до следующего юбилея. Произойдёт ли такая смена и после 100-летнего юбилея революции? В дальнейшем увидим. Но когда приближается новый юбилей, сознание меняет свои ориентиры.

Я рассказал немного о Лютере, изменившем цивилизационную историю мира, чтобы показать, что роль отдельной личности в грандиозных цивилизационных процессах не следует принижать. Законы законами, тенденции тенденциями, но и отдельный человек способен на великие дела. Так, 18 февраля 1836 года родился Рама Кришна. Это имя вам ничего не говорит? Ну, Рама, ну Кришна. Ну и что такого, что он родился? А я отвечаю: родился не обычный мальчик, а человек, кото-

рый изменил судьбу индуистской цивилизации. Если углубиться уже не в столь древнюю историю, то мы также увидим внутрицивилизационный раскол, связанный с вытеснением индуизма с коренных территорий воинственным исламом. Но увидим мы не только раскол, но и более сложное явление — консолидацию индуистской цивилизации, которая произошла именно благодаря тому, что этот мальчик родился в 1836 году. Он изучил огромное количество религиозных школ, направлений индуистской мысли, у него было много разных учителей, от одних он уходил, к другим возвращался. Но сам он пришёл к выводу, что все учения, а точнее, все пути, ведущие к Богу, имеют право на существование. В многообразии рождается, открывается единство. Многие индусы последовали за Кришной. Они и ныне полагают, что их уникальная цивилизация сохранилась отчасти благодаря подвижничеству этого человека. При этом важно заметить, что он стал властителем дум интеллектуалов во многих странах мира.

У меня есть большой старший друг, самый известный индуист России академик Евгений Петрович Челышев. Может быть, вы о нём слышали. Он руководил российско-индийским обществом много лет. Недавно, в ноябре, он отметил 95-летний юбилей. Но у него блестящая память: захочет, Фауста прочтет по-немецки, любую главу, захочет — споёт индийскую песню на каком-нибудь местном диалекте, который не известен большинству индусов. В войну он был летчиком, пилотом-радистом. И почти никого из друзей он не встретил после войны, потому что они были летчиками, а летчики и самолёты жили тогда недолго. Он остался жив благодаря молитвам матери, как он говорит, и меня это глубоко трогает. Трогает потому, что мой отец был командиром партизанского отряда, и когда он пытался понять, почему он выжил, то тоже постоянно повторял, как заклинание: выжил благодаря молитвам матери, другого объяснения не находил. Так вот, недавно была встреча руководства Всемирного Русского Народного Собора с Е. П. Челышевым, который возглавляет Научный совет при Президиуме Академии по изучению и охране культурного и природ-

ного наследия. А центральная программа этого совета созвучна теме нашей сегодняшней лекции. Она называется «Цивилизационный путь России». Я имею честь быть заместителем председателя Совета и занят в основном этой программой. Если будет возможность, мы когда-нибудь специально встретимся, чтобы обсудить основные направления программы — не только философское и богословское, но и экономическое, и военное, и, конечно историческое и лингвокультурное.

Во время встречи академику задали вопрос, в чём причина популярности Кришны и индуизма во всём мире, не только в Индии, не может ли это влияние ещё больше распространиться и в России? Он ответил, что это очень серьёзная тема, и влияние может быть очень сильным, особенно на интеллигенцию. И это произойдёт, как и распространение индифферентного отношения к национальной культуре и отечественным традициям, если мы забудем о нашем собственном цивилизационном наследии, о роли православия и великого русского языка. Воистину — единство в многообразии. Как говорил один русский религиозный философ начала прошлого века, многообразие — это жизнь, единообразие — смерть.

Вспомним и ещё одно событие, которое подтверждает то, что я говорил в начале лекции, когда мы выделили моноцивилизационный и полицивилизационный подходы к всемирной и отечественной истории. Именно в этот день, 18 февраля 1967 года, умер Роберт Опенгеймер — величайший учёный-организатор, который возглавил ядерную программу в США. Его называют отцом атомного оружия. Многие из тех, кто его окружал, получили нобелевские премии только потому, что он помогал им генерировать новые идеи, обладая гением организатора науки. Кстати, ему доверили проект, хотя по убеждениям он был коммунистом, как и его ближайшие родственники. На него писались доносы, его считали даже агентом Кремля, но лучшей кандидатуры не могли найти. Почему я вспомнил об Опенгеймере? Дело в том, что он создал оружие, которое на корню, как говорится, изменило современную общечеловеческую цивилизацию и отношения между

странами, в том числе и между странами-цивилизациями. Как ни парадоксально, но мы до сих пор живём в относительном мире, каждый раз отодвигая угрозу очередной мировой войны, только потому, что было создано это оружие, которое иногда называют оружием Судного дня. В чём заключался дар Оппенгеймера? Этой теме посвящено множество работ, но некоторые авторы отмечают, что здесь не обошлось без его увлечения индуизмом. Он даже санскрит выучил, чтобы понять смысл индуистской цивилизации.

Хотя бы очень коротко, но следует изложить основные тезисы, раскрывающие **понятие «страна-цивилизация» или «государство-цивилизация» применительно к современной истории России.**

Начну с того, что тема «Россия как государство-цивилизация» требует чётко разделять теоретический и политический аспекты, хотя они тесно связаны между собою. Составить объёмное и чёткое представление о проблеме крайне трудно из-за её чрезмерной политизации, а соответственно, обилия трудно совместимых позиций и подходов. Я изложу только свою точку зрения. Из этого не следует, что вы должны соглашаться с ней. Напротив, будут представлены и альтернативные подходы, каждый из которых заслуживает уважения, поскольку он введен в язык политической науки и лексикон публичной политики. Моя задача — зафиксировать круг проблем, в которых следует ориентироваться.

Россия, как уже не раз говорилось, относится к числу немногих существующих сегодня государств-цивилизаций, что предопределено её историческим развитием, масштабами (самое крупное государство на планете) и богатством ресурсной базы, этническим многообразием и уникальным опытом межэтнического взаимообогащения. Это означает, что мы, во-первых, сможем выстоять под напором иных цивилизаций, что Россия не раз и демонстрировала, во-вторых, у нас

есть, что показать миру и чем поделиться с другими цивилизациями, а в-третьих, Россия как страна-цивилизация не утратила притягательной силы, которая соединяла, сплачивала самые разные народы, считающие Россию своей родиной. Нас единит опыт взаимного доверия, накопленный столетиями сотрудничества и умноженный общими жертвами в кровопролитных отечественных войнах, которыми была оплачена независимость страны, что и сегодня служит гарантом сохранения целостности России как уникального культурно-природного синтеза, исторически сложившегося вокруг русской нации. Интерес к цивилизационному измерению политического курса в самой России возрастает по мере усиления её позиций на международной арене и расширения её межцивилизационных контактов, в том числе с другими государствами-цивилизациями.

Особая роль России как государства-цивилизации в контексте современных международных отношений — одна из наиболее острых тем, актуальность которой становится самоочевидной в результате ряда событий и процессов на геополитической арене. Среди важнейших факторов (событий и процессов), превративших эту сугубо академическую тему, представлявшую интерес для историков, в крупную геополитическую проблему наших дней, а также в предмет политического выбора для миллионов граждан России и наших зарубежных соотечественников, в одночасье ставших гражданами других государств, особого внимания заслуживают три основных фактора.

Фактор первый и основной — полное изменение всей геополитической картины и расстановки сил. Причины (предпосылки) лежат на поверхности: распад биполярной геополитической системы, крушение социалистического лагеря (стран народной демократии) и Союза ССР — самой крупной державы мира, которая была наследницей Российской империи, историческим центром Русского мира и главным победителем во Второй мировой войне, но являлась в то же время полем осуществления самого грандиозного эксперимента в истории человечества — построения бесклассового общества, по

сути, новой цивилизации — цивилизации как идеологического проекта глобального переустройства мира. У такой цивилизации не было и не должно быть прошлого, которое даже в учебниках называли не иначе, как проклятым прошлым. Новая, советская цивилизация обернулась к своей подлинной истории и к своему цивилизационному наследию, к вере предков только однажды, пред лицом гибели. «Братья и сестры» — с этими словами из лексикона верующих людей обратился в первые дни войны к народу властитель, который еще недавно выжигал калёным железом всё, что было связано с духом русской цивилизации. Поэтому и победили! Но после великой победы и эпохи сосуществования, которое держалось на оружии Судного дня, человечество столкнулось с совершенно новыми рисками, когда в одностороннем порядке был ликвидирован военный блок социалистических стран (Варшавский договор), но сохранился блок НАТО.

Этот дисбаланс привёл к неизбежному пересмотру итогов Второй мировой войны, в том числе к отказу от «незыблемого» принципа нерушимости послевоенных границ, что и спровоцировало решимость единственной сверхдержавы установить «однополярный мир», а в действительности — открыто перейти к использованию методов силового (военного) решения международных конфликтов, используя при этом набор лозунгов о преимуществах «мягкой силы» и так называемой «умной политики», сочетающей военную силу и методы устрашения с «дипломатией мира», а санкции с призывами к культурному сотрудничеству и распространению массовой культуры, формирующей общие ценностные ориентиры «постиндустриальной» (или «потребительской») цивилизации». В результате искусственные границы разделили народы, принадлежавшие к единой цивилизации, а в ряде случаев и к единой этнической и языковой группе, спровоцировав гражданские и межэтнические войны нового типа. «Пилотным экспериментом» в этом плане стала военная компания НАТО против Югославии, на руинах которой в результате многочисленных жертв мирного населения возникли враждующие государства. Этот же ме-

тод (разделяй и властвуй) был повторен и на территории Украины, и в ряде других регионов мира. И во всех случаях предметом ожесточённого спора стал вопрос о цивилизационной принадлежности разделённых народов, самым крупным среди которых в настоящее время является, как известно, русский народ.

Фактор второй — это сам факт включения цивилизационной проблематики в пространство и язык мировой политики. Вспышка интереса к цивилизационной тематике и, в первую очередь, к теориям, объясняющим феномен локальных цивилизаций, была закономерна на фоне роковых событий, изменивших ход мировой истории. В настоящее время утратило былую значимость противостояние основных политических идеологий, которое отодвигало на задний план все другие проблемы, в том числе и механизмы взаимодействия локальных цивилизаций. Этот процесс можно сравнить с планетарным «идеологическим отливом», когда глазу открылись невидимые прежде континенты — человеческие общности, которые живут тысячелетиями и сохраняются, несмотря на смену господствовавших политических идеологий, крушение старых и возникновение новых государств. Разумеется, сторонники передела послевоенного мира предлагают свои версии, позволяющие легитимировать их политику. Основная версия, которую они предлагают, — универсальный характер «демократических преобразований», которые требуют жертв и отказа от суверенитетов. В том же ряду — бесчисленные теории и концепции шарлатанов от науки, рассчитанные на малообразованную публику и призванные заново переписать вместе с историей Второй мировой войны всю цивилизационную историю человечества под требования политической конъюнктуры. Последнее обстоятельство превращает широкое и грамотное обсуждение основных цивилизационных теорий в главное условие оздоровления психологического климата.

Фактор третий — активный процесс «переконструирования мира», включающий в себя создание новых надгосударственных образований (тот же Европейский Союз, который переживает не лучшие

времена в результате *великого смешения цивилизаций*) и одновременно возникновение множества новообразованных государств. Значительная часть стран, искусственно созданных на «постсоветском пространстве», никогда не существовала прежде, что и предопределило неспособность этих стран сберечь свой суверенитет и обострило межцивилизационные противоречия. Некоторые государства сразу же вошли в орбиту НАТО и в состав ЕС, передав, по сути, во внешнее управление ключевые механизмы принятия решений по ключевым вопросам государственного и экономического строительства, другие — в крайне неблагоприятных условиях враждебного окружения отстаивают своё право на реинтеграцию. Некоторые из них признаны международным сообществом, в первую очередь, благодаря лояльности к методам внешнего управления, другие остаются непризнанными. Всё это усиливает общую политическую нестабильность и требует пристального анализа к логике развития великих цивилизаций, в том числе и в первую очередь — российской.

Русский мир, Российская нация и Русская цивилизация —

это завершающая тема, которая сводится к вопросу: надо ли искать различия между понятиями «Русский мир» и «Русская цивилизация», которую полным основанием называют также «российской» и «православной»? Думаю, что в таком разведении терминов нет особой надобности, если это не связано с авторскими концепциями, построенными на фиксации именно таких отличий (такие научные работы есть, но они и не входят в число наиболее значимых и популярных в научном сообществе). А подобные задачи представляют, как правило, интерес только для отдельных учёных и совершенно не волнуют большую часть людей, которых волнует иное, главное: как сберечь Русский мир, сохранить свою национальную и цивилизационную принадлежность в условиях всё сокрушающего влияния «шаблонизации» мышления, в

эпоху глобализма. Задачу сбережения Русского мира сегодня невозможно проигнорировать уже по той причине, что его распад инициируется извне и оборачивается невероятными бедствиями для многих миллионов граждан великой страны, разделённой противоестественными границами. Гражданская война на Украине, унесшая жизни десятков тысяч людей и лишившая достойного и безопасного будущего всех остальных, — пример того, что означает крушение Русского мира на отдельно взятой территории.

Для того, чтобы проиллюстрировать эту мысль, сошлюсь на четкую позицию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который показывает, как можно сочетать глубокое философско-богословское понимание темы с популярным толкованием. Выступая в авторской программе «Слово пастыря», вышедшей в эфир 6 сентября 2014 года, Предстоятель ответил на вопрос телезрителя о месте России в современном мире, особо выделив тот факт, что Русский мир — это цивилизационное, а не политическое понятие.

Это очень важное замечание, поскольку без углублённого знания истории становления Российского государства наше сознание будет находиться в полной зависимости от тех политических клише, которые используют политические комментаторы в популярных телешоу или пропагандисты, выступающие от имени конкурирующих партий. Для тех и для других важны не историческая истина и точность в изложении фактов, а умение заинтриговать публику, придумать новый и неожиданный вариант объяснения. Большинство из них рассматривают и Русский мир, и Русскую цивилизацию исключительно в качестве политических проектов. Но таких проектов может быть сколь угодно много, а наша цивилизация, которая существует более тысячи лет, одна. Одна на всех. И в этом плане она — не проект, а смысл нашего существования, наше наследие. Чтобы принять это наследие, мы с вами должны понять его сущность как данность, независимую от политики, от преходящей конъюнктуры и от тех планов, которые

мы строим сегодня. Вспомним выражение: «Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

«Русский мир», по словам Патриарха, с которыми трудно не согласиться, — «это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. Русские, даже которые именуют себя русскими, могут к этому миру и не принадлежать, потому что говорить на русском языке или понимать русский язык — это не единственное условие принадлежности к Русскому миру. И мы знаем, что очень многие не связывают себя ни с русской традицией, ни с духовностью, ни с культурой, а живут иными взглядами, убеждениями и теряют связь со своей собственной цивилизацией. <...> Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы и называем Русским миром. Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир — от киевской купели крещения. Русский мир — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, называющие сегодня себя разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную».²

Если мы хотим понять, как связано государство с цивилизацией применительно к российской истории, то лучше всего обратиться к наследию великого мыслителя, о котором мы уже упоминали, основателя теории культурно-исторических типов Данилевского. Его основная мысль, которая и составляет суть концепта «Россия как государство-цивилизация», заключена в том, что сильная держава — самый надёжный гарант сохранения Русского мира и нашей цивилизационной идентичности. Он лучше других популярно объяснил причину, казалось бы, иррациональной ненависти ко всему русскому, которая так выпукло проявляется в «европеизме» многих наших за-

² Официальная хроника Московского Патриархата: <http://www.pravoslavie.ru/news/73458.htm>.

падников, в том числе и тех, кто совершенно искренне полагает, что попытки ослабить Российское государство и даже разоружить его предпринимаются исключительно в интересах ее граждан и народов. Об этой мотивации важно помнить, чтобы не навешивать на всех без исключения сторонников умаления роли государства в жизни российского общества ярлык «врагов народа» или «пятой колонны», поскольку многие из них искренне верят в свою правоту. Впрочем, это не делает их позицию менее опасной.

Проиллюстрирую словами Данилевского ход мыслей «западников»: «Если в самом деле европеизм заключает в себе всё живое, что только есть в человечестве, столь же всесторонен, как и оно, в сущности, тождествен с ним; если всё, что не подходит под его формулу, — ложь и гниль, предназначенные на ничтожество и погибель, как всё неразумное, то не надобно ли скорей покончить со всем, что держится на иной почве своими корнями? К чему заботиться о скорлупе, не заключающей в себе здорового ядра, — особенно ж к чему стараться о придании большей и большей твёрдости этой скорлупе? Крепкая внешность сохраняет внутреннее содержание; всякая твёрдая, плотная, компактная масса труднее подвергается внешнему влиянию, не пропускает животворных лучей света, теплоты и оплодотворяющей влажности. Если внешнее влияние благотворно, то не лучше ли, не сообразнее ли с целью широко открыть ему пути, — расшатать связь, сплывающую массу, дать простор действовать чуждым, посторонним элементам высшего порядка, вошедшим, по счастью, кое-где в состав этой массы? Не скорее ли проникнется через это и вся масса влиянием этих благодетельных элементов? Не скорее ли, в самом деле, проникнется европеизмом, очеловечится вся Русь, когда ее окраины примут европейский склад, благо в них есть уже европейские дрожжи, которые — только не мешайте им — скоро приведут эти окраины в благодетельное брожение. Это брожение не преминет передаваться остальной массе и разложить всё, что в ней есть варварского, азиатского, восточного; одно чисто западное останется. Конечно, всё это

произойдёт в том только случае, когда в народных организациях возможны такие химические замещения, но в такой возможности ведь не сомневается просвещённый политический патриотизм. Зачем же мешать благодетельному химическому процессу?». И завершает свою оценку европеизации Руси Данилевский риторическим вопросом: «Если бы, например, политический организм Римской империи сохранил свою крепость, то разве могли бы вошедшие в состав его народы подвергнуться благодетельному влиянию германизма?»³

И действительно, одних Россия страшила своей мнимой косностью и реальной приверженностью к традиционализму, что вполне объяснимо: ни одна страна-цивилизация «не вписывается» в унифицированные схемы построения нового порядка, а Россия как самая крупная страна в мире, обладающая критической массой стратегических ресурсов, тем более. Других, напротив, Россия всегда — и тоже не без оснований — пугала своей непредсказуемостью, скрытой динамикой, способностью в одночасье сломать любые традиции и ограничения, перевернуть все представления о возможном и невозможном. Как, скажите, строить новый порядок по соседству с такой глыбой?

В заключительной части лекции я отвечу на вопросы. И первый вопрос, который был задан, — моё отношение к наследию **Александра Сергеевича Панарина**, моего покойного друга. Я не считаю, что лучше других знаю его взгляды, просто мы с ним много работали, дружили, и наши взгляды во многом совпадали. Я изменил свою жизнь из-за него, он меня уговорил уйти из Администрации Президента, повторяя: «Ты же профессионал, а уже 10 лет не работаешь по профессии: не пишешь книг, не читаешь лекции. Так жить нельзя. Ты

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 66-67.

средишь за каждым словом, которое произносишь. Ты думаешь перед тем, как сказать, вместо того, чтобы думать, что сказать. Ты становишься политиком-профессионалом, а это конец для научной деятельности». Это был самый сильный аргумент в пользу того, чтобы изменить свою жизнь.

О научном наследии Панарина можно говорить часами, но у нас нет этого времени. Для того чтобы с ним познакомиться, в любом случае надо читать его книги. Приглашаю вас и на очередные «Международные Панаринские чтения», которые ежегодно проходят в МГУ. В ноябре следующего года будут уже четырнадцатые. Кстати, в позапрошлом году, когда был юбилей Панарина, мы проводили чтения в три дня. Один день — в МГУ (Академический день чтений), второй — в Государственной думе (Парламентский день), а третий — в день открытия Всемирного Русского Народного Собора, в рамках его программы, в Храме Христа Спасителя (Соборный день). По результатам чтений издаются книги. В этом году была издана коллективная монография «Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития». Прямо по нашей теме. Вы можете найти её электронный вариант. В этом же году вышла и толстая книжка стенограмм Собора, в том числе и докладов на Панаринской секции Соборных чтений.

Оценивая научное наследие Александра Сергеевича Панарина, которое вобрало в себя опыт философского познания добра и зла в эпоху, когда сами эти слова для многих утратили изначальный смысл, полезно вновь прислушаться к мнению Святейшего Патриарха Кирилла. Обращаясь к научному сообществу, а точнее, к «людям университета» (это выражение с подачи ректора МГУ вошло в оборот), на церемонии присуждения Предстоятелю степени *honoris causa* Московского государственного университета, Его Святейшество особо отметил: «Как писал наш современник, а для многих из вас и коллеги — замечательный философ, политолог и публицист Александр Сергеевич Панарин, — идентичность русских людей скреплял право-

славный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере»⁴.

В своей последней книге «Православная цивилизация в глобальном мире», на которую ссылался Патриарх, А. С. Панарин акцентировал внимание на дилемме, навязываемой радикалами прозападного толка. По их мнению, «либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своём традиционном виде представляет вызов “цивилизированному человечеству”, а также, надо полагать, собственному “цивилизированному” меньшинству. Таким образом, вопрос о цивилизационной идентичности России, о её праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом».⁵

Последняя монография Панарина открывается словами: «Памяти отца, Панарина Сергея Алексеевича, солдата Великой Отечественной войны, посвящаю». А адресат этой книги, ставшей политическим завещанием Александра Сергеевича, — не столько его современники, сколько те наследники нашей цивилизации, которым ещё суждено появиться на свет, чтобы проводить XXI век и встретить новый (или не суждено, если мы совершим политические действия, не совместимые с жизнью Российского государства). По словам Панарина, «Мы, таким образом, становимся свидетелями и соучастни-

⁴ Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени *honoris causa* Московского государственного университета (Официальный сайт Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2496952.html>).

⁵ Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С.41. В этом объемном издании представлены сразу две последние книги Панарина: «Православная цивилизация в глобальном мире» и «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Именно на эти работы мы и будем преимущественно ссылаться, поскольку в них обобщены представления Панарина о том цивилизационном выборе, который Россия вынуждена вновь делать в начале третьего тысячелетия. Книги, ставшие научным завещанием Панарина, не позволят совершить роковую ошибку.

ками драмы, последствия которой определяют судьбу всех поколений XXI века». Выбор главного адресата своих трудов Панарин объясняет предельно просто и честно: «Это последнее поколение, сегодня отделённое от нас целым столетием, является, может быть, нашим главным собеседником: именно оно подивится нашей свободе — ведь оно, а не мы, станет пленником наших решений — и нашей слепоты. В этом отношении оно будет походить на нас, переживших трагедии XX века. Разве мы не дивимся слепоте тех, кто развязал хаос Первой мировой войны, перечеркнувшей лучшие ожидания поколения, встретившего зарю XX века? Разве мы не хотели бы получить ту свободу, которую ещё имели они до принятия рокового решения, — свободу иначе-возможного? Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход событий необратимым».⁶

Александр Сергеевич Панарин — один из самых ярких профессоров Московского государственного университета за всю историю его существования. На кафедре философии политики и права Философского факультета МГУ, где работают люди, которые в течение многих лет были его коллегами, можно увидеть галерею портретов выдающихся отечественных философов, связавших свою жизнь с главным университетом России. Эту галерею заслуженно венчает портрет Панарина — человека, ставшего основателем успешно развивающейся научной школы и оригинального направления политической философии. Для этого направления характерен чётко прописанный и тщательно отрефлексируемый цивилизационный подход, что было особенно ценно в период становления отечественной политологии.

⁶ Там же. С. 580.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ И ИДЕОЛОГИЯ (КАК ДЕЛАЮТ «КЛАССИКОВ»)

Говоря о состоянии современной литературы, нельзя обойти стороной вопрос о её отношении к идеологии. В эпоху коммерческого книгоиздания культур-менеджеры по-прежнему не свободны, над ними довлеют идеологические форматы, дают о себе знать информационная повестка, политическое лоббирование.

Одним из самых идеологически нестерильных литературных институтов является институт литературных премий. Можно сказать, что он обладает высокой отражающей способностью в отношении идеологии, как поверхность зеркала, на которой видны и отдалённые детали интерьера и оседающие пылинки.

Премии формируют определённую часть общественной повестки. Если, например, какой-то роман Людмилы Улицкой получил премию, мы вынуждены его обсуждать, хотя если бы не лауреатство, мы бы этого, возможно, и не делали по причине предсказуемости и повторяемости идейно-мотивных клише данного автора. Премии — это «маячки» читательского восприятия, поэтому нам часто приходится говорить публично о том, что нам самим не слишком интересно. Так с нашей помощью литература становится инструментом влияния на общество — во всяком случае, на ту его часть, которая ещё поддаётся такого рода манипулированию.

Поэтому прежде, чем обратиться непосредственно к литературно-премиальной теме, сделаем отступление и скажем о состоянии современного идеологического пространства.

В последние годы разговор об идеологии становится всё более открытым. 10-15-20 лет назад под «идеологией» было принято понимать исключительно коммунизм или фашизм. Во всех остальных случаях говорить об идеологии публично считалось дурным тоном, чем-то граничащим с конспирологией. Возникла совершенно неестественная ситуация с темой идеологии, продиктованная именно рядом идеологических табу.

В данный момент ситуация исправляется. Разговор об идеологии перестал быть «уделом узких специалистов или шизофреников». Он становится всё более естественным. Мы понемногу приучаемся свободно пользоваться такими понятиями, как «борьба дискурсов» (Дж. Холл) или «война икон» (Пьер Бурдьё), осваивая теоретические наработки западной антисистемной мысли, как левой, так и правой.

Сегодня мы хорошо отдаём себе отчёт в том, что любое публичное пространство заполнено доминирующей идеологией и субидеологиями, в основе которых, хотим мы или нет, всегда лежит метафора войны. Она неустранима, она встроена в структуру идеологических построений и совсем не обязательно навязывается с помощью репрессивного аппарата, как мы привыкли считать по старой советской памяти.

В XX веке идеология существовала как нечто вполне формализованное. Каждый понимал, в чём она заключается, мог её легко сформулировать в большем или меньшем количестве слов. Идеология еще не пропитывала собой все уровни культурной повседневности. Но это, как выяснилось в постсоветскую эпоху, лишь частный случай обустройства идеологического пространства. Более того, привычная для нас модель воспроизводства идеологии — мягко говоря, не самая эффективная.

Современность, постсоветское время, мир после холодной войны, мир предкризисный, кризисный и послекризисный, — это мир,

о котором никак нельзя сказать, что он деидеологизировался. Миф о деидеологизации современности — один из самых расхожих мифов, и он, конечно, мало связан с реальным положением вещей. Просто современные идеологические конструкции работают по другим законам, нежели в 1968-м или 1981-м году.

Например, метафора войны в советском и современном советскому американском идеологическом дискурсе — в рамках «борьбы двух систем» — всячески выпячивалась и сама оформляла некий идеал в идеологии. Сегодня метафора войны часто прячется, скрывается, использует камуфляж. Стоит сослаться на философа Славоя Жижека, который справедливо говорил о том, что самая успешная идеология — это та идеология, которой удалось доказать, что она идеологией не является, а лишь бесстрастно и «объективно» описывает некое положение вещей. Такая идеология представляется чистым описанием, дескрипцией, или простым изложением последовательности событий, событийным нарративом.

Девиз современной идеологии — «скрывайся и таись». Именно в скрытом состоянии идеология может рассчитывать на солидный срок жизни. Ведь она в этом случае незаметна и защищена от критики, попадает в мёртвую зону коллективной дискуссии. Чтобы критика всё же состоялась, нужно, как ни странно, показать, что данный дискурс имеет признаки идеологии, хотя вроде бы нам априори понятно, что если этот дискурс претендует на общезначимость, другим он уже не может быть. Тем не менее, камуфляж необходимо постоянно приоткрывать и демонстрировать публике, приводить какие-нибудь разоблачающие цифры (в духе «Викиликс»), либо, наоборот, демонстрировать ненадёжность источников оппонента.

Это театральное срывание покровов — одна из ритуальных практик современной культуры. Она призвана подчеркнуть бесперебойную работу демократических институтов, занятых в «производстве правды». Так строится современная имитационная демократия, создающая иллюзию всеобщего участия в общественных процессах.

Но, как сказал в свое время Марк Твен, «если бы от выборов что-то зависело, нам бы никогда не позволили в них участвовать»...

Самый простой и часто используемый способ камуфляжа, скрывающего метафору войны в рамках идеологического дискурса, это, с одной стороны, метафора научности («чистого знания»), а с другой — метафора игры. Второй случай имеет непосредственное отношение к искусству и литературе. Почему используется именно метафора игры? Потому что игра представляет собой наименее прагматичный, наиболее «свободный» вид деятельности в человеческой культуре. Более того, культура в целом очень часто описывается как игра. Это одна из обобщающих метафор культуры, наряду с библиотекой, сценой и т.п. Современным гуманитариям этот мотив известен по трудам Йохана Хейзинги (вспомним его книгу «Человек играющий»), сочинениям Борхеса, Германа Гессе (роман «Игра в бисер») и др. И вот когда метафора игры заслоняет метафору войны, идеологический дискурс как раз и начинает работать на повышенных оборотах. Именно поэтому роль литературы и других видов эстетической деятельности в производстве современной идеологии невозможно переоценить.

II

Итак, литература благодаря усилиям критиков может представляться публике игрой на некоей эстетической площадке. Разумеется, при этом социальные акценты в произведении могут присутствовать. Более того, в ряде случаев они сознательно подчеркнуты. Но дело в том, что авторская общественная позиция редко включает в себя всю идеологию текста целиком, и эффективность этой идеологии мало зависит от авторского радикализма.

Например, антиправославный месседж романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» не считается непосредственно из открытых конфликтов романа и авторских оценок — в частности, из обширной темы католического *aggiornamento*. Во всех случаях, по-

добных случаю с «Даниэлем Штайном», мы сталкиваемся с хрестоматийной схемой современного мифа, описанной ещё Роланом Бартом: означаемое первого уровня — проблематика произведения, обсуждаемая героями, оцениваемая автором, — играет роль означающего по отношению к означаемому второго уровня, то есть идеологии и общей стратегии текста, не представленной прямо в этих обсуждениях и оценках. Возникает ощущение, что этот второй уровень значений пребывает как бы «за» текстом, а не внутри него.

Теперь посмотрим, как институт премий помогает литературе участвовать в процессе производства идеологии, как он её встраивает в этот процесс.

Литературные премии можно разделить на те, которые отражают ценности профессиональных сообществ (писательских ассоциаций, издательских картелей, вузовской профессуры) и те, которые непосредственно участвуют в отстройке идеологии. Например, Гонкуровская премия во Франции или Национальная премия в США в основном ориентированы на профессионального читателя, на людей, которые умеют читать с разбором, так сказать, на «внутреннюю» аудиторию. Эти премии предлагают субъективный эталон качественной литературы. Но если мы обратимся к литературной номинации в рамках Нобелевской премии, то столкнёмся с совершенно иной ситуацией, поскольку она изначально издавалась как институт сугубо идеологический. Конечно, об этом никогда не говорилось прямо, но это особенно и не скрывалось.

Когда проходят награждения, выбор победителя всегда сопровождается красивыми, обтекаемыми формулировками, которые у людей критично настроенных вызывают много вопросов. Например, недавно Нобелевскую премию по литературе получил поэт-песенник Боб Дилан. И дана она была, как оказалось, в частности, за то, что Боб Дилан создал «феномен современности». Но сразу возникает вопрос, что такое современность с точки жюри и организаторов, поскольку это идеологически очень нагруженное понятие. Например, каковы исто-

рические рамки «современности», когда она началась и когда закончится, или же она будет длиться вечно (здесь можно было бы сослаться на идею «конца истории» Френсиса Фукуямы, но он сам недавно отказался от собственной концепции).

Вокруг нобелевских литературных наградений всегда ломают копья. Один современный критик пишет: «Что такое Нобелевка? Ответить сравнительно просто. Нобелевка — прожектор, блуждающий по неимоверно сложной траектории, учитывающий массу политических, гуманитарных, культурных и иных факторов. И в процессе блуждания выхватывающий из мрака крупные, универсально значимые предметы, желательны каждый раз разные. Иными словами, учитывается масштаб объекта, его несхожесть с другими, премированными ранее, и важность для мировой культуры». Вызывает большие сомнения возможность хоть что-нибудь понять из этого определения.

Так было всегда. Нобелевская премия по литературе уже в начале своего существования, в 1900-х годах вызвала много споров и вопросов идеологического порядка. Эти споры велись тогда, продолжают они и сегодня. История с Львом Толстым в рамках нобелевского премиального процесса достаточно широко известна. Секретарь Шведской академии Карл Вирсен в своей официальной речи признал, что Толстой создал бессмертные творения, но высказался против его кандидатуры, поскольку, по его мнению, «Лев Толстой осудил все формы цивилизации и настаивал взамен них принять примитивный образ жизни, оторванный от всех установлений высокой культуры. Всякого, кто столкнётся с такой косной жестокостью по отношению к любым формам цивилизации, одолеет сомнение. Никто не станет солидаризироваться с такими взглядами». Сказать, что это не идеологическое решение, значит сказать неправду. Спустя некоторое время после описанного события шведский писатель Август Стриндберг в газете «Svenska Dagbladet» осудил подход нобелевского жюри. Он сказал, что эти решения выносят недобросовестные ремесленники и дилетанты, которые почему-то призваны вершить суд.

За более чем сто лет существования литературной номинации Нобелевской премии ничего принципиально не изменилось. Ещё в 1997-м году литературовед и философ Вадим Кожин в статье «Нобелевский миф» отмечал: «Дали премию Бунину — эмигранту, дали Пастернаку, но не за поэзию, дали Шолохову, чтобы не выглядел слишком скверно, дали Солженицыну — сами понимаете, нельзя было не дать. Дали Бродскому. А вот Толстому не дали. Именно за взгляды не дали. Их посчитали возмутительными. И Чехову, и Горькому, и тем нашим писателям, которые были голосом сражающегося народа в 1941-45 годах, хотя значение этого подвига в те годы никто в мире не приуменьшал... Да стоит ли нам обижаться? Самую дорогую премию скандинавы не дали своим же: ни Ибсену, ни Стриндбергу. Ни Прусту, ни Лорке, ни Брехту... А кому дали, тех уже зачастую и не вспомнишь».

Таков нобелевский премиальный формат. Если перейти к сравнению премиальных систем, которые существуют на Западе и в России, то вопрос о том, где больше идеологии, будет решить не просто. Вспомним такую широко известную фигуру как Орхан Памук. Этот турецкий писатель получил Нобелевскую премию за книгу «Стамбул — город воспоминаний». Как было сказано представителем Нобелевского комитета, премия была дана автору «за поиск души своего меланхолического города». Однако душа душой, но Орхан Памук был и остается политически активной фигурой, он давал много интервью и часто говорил о ситуации в собственной стране, в том числе о судьбе диссидентов. О Памуке массмедиа справедливо писали, что для него «важна тема переживаний имперского чувства и идеология турецкой модернизации». И это правда, несмотря на весь тот психологизм, который содержится в его книгах.

Но вот наступил 2016-й год. Как ни странно, уже далеко не все помнят, что происходило весной 2016-го года в Турции. В это время была предпринята попытка государственного переворота при помощи армии, что для Турции довольно характерно. Но те, кто этот переворот пытались совершить, вообще-то были из одного с Орханом Па-

муком политического лагеря — либерального, кстати, как и боевики киевского майдана. Эти люди выступали и выступают именно «против имперского чувства и за идеологию турецкой модернизации». Из сказанного не следует, что Орхан Памук напрямую связан с заговорщиками. Но идея либеральной «модернизации», которая лежала в основе переворота, для писателя и для этих людей общая. Поэтому литературное инакомыслие Памука и его лауреатство — всё это объективно, хотим мы того или нет, — было идеологической подготовкой либерального военного переворота.

Удивительно, как широко освещали мировые СМИ судьбу турецких инакомыслящих, и как быстро, почти моментально, они закрыли тему переворота, который не увенчался успехом. Всё, как в известном стихотворном афоризме: «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». Консервативная демократия в столкновении с авторитарным либерализмом устояла и победила. А как же необходимые выводы, исторические уроки, общественный и моральный смысл событий? Огромное по значению событие буквально в несколько дней было выброшено из политической повестки. Мировые СМИ предпочли не обсуждать выход на улицу десятков тысяч людей, потому что эти люди не поддержали заговорщиков. Этих людей обстреливали с вертолетов, при этом погибло около 200 человек. Но смерть этих людей не была идеологически выдержанной, не была «прогрессивной». Поэтому она не могла составить конкуренцию теме преследований нескольких сертифицированных диссидентов, ни один из которых не погиб. Зато они очень страдали от того, что их права были нарушены. И среди них — писатель Орхан Памук, который очень любит свой родной Стамбул.

Литературные премии и политика, не говоря уже об идеологии, при помощи одного или нескольких посредствующих звеньев связаны друг с другом. Иногда парадоксальным образом. Так, например, в России вызвало достаточно громкий резонанс вручение литературного Нобеля Светлане Алексеевич — белорусской писательни-

це, пишушей отчего-то на русском языке и совсем не о белорусских проблемах. Книгу Алексиевич «У войны не женское лицо», удостоившуюся награды, принято относить к текстам в жанре «вербатим». Это документальная проза, которая одновременно основана на архивных текстах и вместе с тем пытается подражать жанру свободного романа. Такая форма свидетельствует о том, что текст претендует и на фактическую достоверность, и на литературное достоинство одновременно. Этот подход мало чем отличается от принципов раннего соцреализма, изложенных в ленинской статье «Партийная организация и партийная литература». Но если соцреализм был призван вести за собой массы, то социальная база, к которой обращается Алексиевич — это привилегированное социальное меньшинство.

Светлане Алексиевич очень не нравится, когда она поднимает тему репрессий или тему предательства во время войны, а ей на это отвечают: «Ну, а мы-то здесь при чём? Я родился позже. К чему меня все это обязывает?» И писательница уверенно говорит о том, что такая позиция морально ничтожна, что жертвы так же противны, как и палачи (очень симптоматичное замечание, совершенно не христианское). И поскольку сегодня якобы существует опасность «повторения ГУЛАГа» (а нам вот почему-то кажется, что может вернуться крепостное право, но это в сторону), то каждый должен...

И вот начиная с этого «должен» мы с помощью Светланы Алексиевич вдруг перескакиваем из общественно-политического дискурса в иной дискурс, тоже идеологический, но более фундаментальный, внеисторичный, существующий на уровне мифологических схем. В сущности, мы имеем дело с попыткой автора обосновать миф о коллективной вине. Вот зачем нужно было замечание о том, что «жертвы так же противны». Чтобы сблизить их с палачами, распространить на них вину: мол, если жертва недостаточно активно протестует, она тоже палач. Если люди, родившиеся в иную эпоху, не ощущают себя потенциальными или опоздавшими родиться жертвами — они по этой логике тоже палачи. Они, по мнению Алексиевич и её политического

лагеря, задним числом оправдали преступление «исторического прошлого» времени.

Следующий шаг — это перенос обвинения с конкретных лиц (их имена почему-то всегда так не хочется ворошить) на народ, то есть на потенциальных и реальных жертв. Этот последний шаг в рассуждении делает уже не Алексиевич или не только она — главное, что почва для этого приготовлена, матрица коллективной вины создана и утверждена. Этот идеологический трюк применялся в 1990-е, применяется и сейчас. Тот, кто читал про «окно Овертона», не может не заметить, что здесь работает принцип постепенного, пошагового смещения границы допустимых высказываний. Используя этот прием, автор идеологически совпадает с теми, кого, казалось, исторически осуждает, но это к слову.

Так человек, присваивающий тему национальной трагедии, становится носителем исторических дефиниций. Он считает, что вправе определять роли и статусы, снимать и ставить экзистенциальные дилеммы, заставляя отречься от той или иной идеологии. Причём, маркеры этой идеологии определяет тоже он, и делает это достаточно вольно. В самом деле, а что такое это «наследие советского мышления»? Светлана Алексиевич, кажется, не употребляет такие слова как «совок», «ватник», но многие её единомышленники их употребляют. Наиболее украинизированные из них могут даже позволить себе рассуждать о «потомственных рабах» и «генетических отбросах». Причём происходит это, не когда человек заявит, что он разделяет принципы марксизма-ленинизма, а когда это нужно тому, кто берёт на себя роль истца на «суде истории». Он же назначает себя самого представителем жертв неправосудных процессов советского времени.

Это, конечно, выморочная ситуация, которая пока ещё, к сожалению, не до конца осознана обществом. Очень медленно общество отходит от идеологического наркоза, и постепенно наступает понимание того, что трагедия является общей, и выносить единоличные

или узкогрупповые суждения о жертвах, вменять им и их потомкам какие-то обязательства (перед кем?) по части мировоззрения и идеологии, торговать трагедией народа — кощунственно. Ни у кого нет права приватизировать тему.

Интуитивное понимание ситуации уже сейчас присутствует в массовом сознании. Поэтому критиков у Светланы Алексиевич много. И они неоднократно отмечали, например, неопределённость, размытость социального профиля автора. Ведь Алексиевич считается белорусским писателем, родом она с Западной Украины, при этом интервью она даёт на русском языке и адресован её текст в первую очередь русской публике. Это странная ситуация. Расхождение, расползание исходных элементов авторского образа вызывает много вопросов. Один из них заключается в следующем: если перед нами белорусский писатель, то почему он обращается не к белорусской и не к мировой, а именно к российской аудитории, и именно российская реакция для него так важна. И при этом именно российское Министерство культуры вдруг почему-то спешит поздравить Алексиевич с премией.

Один из самых резких критиков проекта Алексиевич, публицист Егор Холмогоров пишет: «Достаточно вспомнить, как наставники Алексиевич — Олесь Адамович и Василь Быков — в октябре 1993-го подписали «Письмо 42» с требованием стрелять и вешать всех, кто не согласен был с либеральным госпереворотом в Москве. И это при том, что они уже два года были иностранцами. Так что, если вы обнаружите подпись Алексиевич под призывом убивать «ватников и колорадов», проштампованную «лауреат Нобелевской премии по литературе», тоже не особо удивляйтесь».

Для кого-то это всего лишь «страшилка». Но после событий, которые происходили на Украине, в период «майдана», нет никакой гарантии, что аналогичная ситуация не возникнет уже в Москве. Или, например, снова в Стамбуле. Разумеется, в Москве социальный слой, который может попасть под такой каток, в общем, тот же самый: «ват-

ники», «колорады», «совки» и т.п. Учитывая это, остаётся лишь удивляться и благодарить Бога за то, что шествие «Бессмертного полка» никто пока не пытается запретить в России так же, как это делается на Украине.

III

Немного отвлекаясь от идеологии, стоит сравнить особенности западного и российского премиальных институтов. Так уж сложилось в постсоветское время, что известных литературных премий в России значительно больше, чем в каждой отдельной стране на Западе. В США и странах Европы, как правило, существует одна статусная премия и две-три менее известных, в России же это целое созвездие. Самая медийная и раскрученная премия — «Русский Букер», который появился в начале 1990-х в рамках деятельности Британского совета и как вариация на тему британского «Букера». Этому сопутствовало распределение средств зарубежных спонсоров и участие оргкомитета британского «тёзки» в официальной процедуре награждения.

Премия «Русский Букер» мыслилась как основная и установочная премия новой, постсоветской России. Её называли премией «нового официоза» (то есть новой, либеральной бюрократии), а исповедуемый ею метод — «реализм лайт». И действительно остальные премии не могли сравниться с «Букером» по степени известности. Например, возник «Антибукер» (она же — «фрондёрская премия»), связанный с «Независимой газетой», Виталием Третьяковым и некоторыми эмигрантскими кругами. Эта премия позиционировала себя как идеологический оппонент «Букера», предлагая участникам такую же сумму приза, но в каких-то номинациях она составляла на один рубль больше, чем у «Букера».

Была премия «Триумф» — очень богатая, но без особой концепции, просто премия культурных заслуг. Эту премию давали струк-

туры, связанные с Борисом Абрамовичем Березовским. Сказать, что «Триумф» формировал некую повестку, невозможно.

Существуют небогатые премии-харизматики, например Премия имени Андрея Белого, материальным выражением которой для лауреата являются яблоко, рубль и бутылка водки. На репутацию автора эта премия очень даже способна влиять в определённых гуманитарных кругах.

В рамках литературного процесса премии, строго говоря, обязаны зафиксировать значимость текста, в том числе идеологическую, и как бы «подсказать» издателю, на что ему направить свой ищущий взгляд. Вообще премии и издательства — это два полюса литературной жизни, между которыми и протекает литературный процесс. Но влияют они на этот процесс по-разному. И если на Западе лауреатство, как правило, ведёт к раскрутке автора и создает издательский ажиотаж вокруг его книг, то в России дело обстоит по-иному. Круг литературных звёзд, сформированный издательским «форматом», и круг, сформированный премиальными жюри — это разные и почти не пересекающиеся когорты авторов. Например, активно издаваемым и читаемым Виктору Пелевину и Борису Акунину премии давать не принято, да и Владимиру Сорокину дают их весьма неохотно. Зато этих авторов знает вся страна. А многие ли знают лауреатов Александра Иличевского, Елену Колядину, Михаила Елизарова, Елену Чижову, Анатолия Азольского? Конечно, есть исключения. Например, уже упомянутая Людмила Улицкая хорошо известна. Но весь «фокус» в том, что «Русский Букер» и «Большая книга» всё равно не добавили ей популярности. Скорее, наоборот, автор «Зелёного шатра» и множества других подобных произведений «поделилась рейтингом» с этими институтами.

Премиальная литература в России адресована очень узкому читательскому кругу. Кругу, ничем не напоминающему читателя массового, потребляющего, например, творчество Дарьи Донцовой или даже представителя миддл-класса, читающего Акунина и ту же Улиц-

кую. Этот узкий круг — постинтеллигенция и «креативный» класс. И он, по всей видимости, получает посредством премиальной литературы инъекцию определённых идеологических смыслов, которые широко читательскому кругу просто не нужны: у него свои идеологемы.

На Западе на выдвижение номинантов влияет вузовская профессура, либо непосредственно издатель, либо и те и другие, при этом стороны находят компромисс. Но у нас процессом руководят спонсоры либо кураторы, а сама премия, особенно если говорить о «Букере», представляет собой нечто вроде собеса или спецраспределителя для писательского цеха. Есть очерёдность в награждениях, заранее оговоренная литературными «партиями» и кланами, но речь не об этом.

И ещё одно, может быть, самое главное отличие. В России идеологический месседж, который несёт премия, направлен внутрь, на собственную публику. На Западе же идеологический вектор — это те ценности, которые несут остальному миру, этот вектор направлен во вне. Что, в общем-то, очень хорошо понятно: идеология — это тоже товар, за который можно и нужно брать громадную цену. Поэтому нет ни малейшего смысла для продавца продавать этот товар самому себе. Это попросту потерянное время.

IV

Не следует забывать, что современного писателя во многом формирует издатель. Издатель диктует ему, сколько «успехов», «провалов», авантюрных или эротических сцен должно быть у героя на десять страниц текста. Вместе с тем издатель склонен заниматься автором не просто как «текстопроизводителем», создателем некоторого количества «рукописей», но и как культурной фигурой, культурным медиумом, который становится для читателя своего рода Вергилием в пространстве повседневности. Обычно в связи с этим говорят о «литературных проектах» и о литературе как проектной деятельности.

Например, Борис Акунин представляет собой типичный культурный образ и литературный проект. В массе его читателей есть любители фандоринского цикла и других циклов. Но Акунин выстраивает не только тексты, но и модель литературного поведения. Он ходит на общественно-политические сходы и «прогулки писателей», пародирует «Историю государства Российского» Николая Карамзина (хотя до него это уже сделал Салтыков-Щедрин в «Истории одного города»). Создатель образа Фандорина ведёт с читателем активную игру, выходящую за рамки его текстов. Он предлагает решать шарады, выдаёт награды за остроумие — вспомним акунинскую буквализацию выражения «чтение обогащает» и предлагаемый победителю литературной игры бриллиант во сколько-то карат. Тексты прилагаются к автору как игровой фигуре культурного пространства, а само пространство культуры фрагментируется. Каждый читатель ищет себе своего шпильмана, собеседника и затейника, который играл бы с ним именно в его любимую игру, не забывая тешить его самолюбие, жизненный опыт и степень образованности, если она наличествует.

Другой пример литературного проекта — это проект «Виктор Пелевин». Творчество Пелевина очень ярко отражает идеологическое состояние современной культуры. Собственно говоря, на эту тему и написаны многие его книги, он это состояние моделирует при помощи различных метафор. Например, «гламур» и «дискурс» в книге «Empire V» содержат образ потребительской гиперреальности (по Бодрияру), к которой прилагается описывающий её текст на стыке рекламы и политики. И под всем этим у Пелевина угадывается некий «мотор реальности», экономическая система, распределяющая и накапливающая ресурсы.

Пелевин очень успешно обнажает некие узлы идеологических механизмов современности. Не случайно с ним был связан большой скандал в рамках букеровского процесса 1997 года. Тогда члены жюри отказались включить Виктора Пелевина в шорт-лист «Букера» и критика даже взбунтовалась на некоторое время. Литературные критики и

даже обычные публицисты заговорили о том, что нешестидесятники монополизировали повестку дня, что постмодернизм волевым усилием хотят закрыть. «Дискриминация постмодернистского лагеря», «мафиозное засилье шестидесятников в премиальных структурах», «поколенческий шовинизм», «издательские кланы» — вот лишь самые невинные обвинения, брошенные премиально-литературному истеблишменту в ту пору. Секретарь «Русского Букера» Игорь Шайтанов удостоился в этот момент прозвища «начальник премии». Он написал специальную статью «Записки начальника премии», в которой объяснял, почему Пелевин при всём к нему уважении — не «букеровский» персонаж.

Пелевин по-прежнему вполне успешен, но его практически не видят на презентациях, и если находится человек, которому удалось взять интервью у Виктора Пелевина, он на время становится знаменитостью. Творчество Пелевина — хорошее зеркало современной идеологии и в каком-то смысле конструктор, при помощи которого любой читатель может моделировать эту идеологию на пару с автором. Моделирующая способность пелевинских текстов одновременно и диагностическая. Она позволяет шагнуть за пределы привычного идеологического дискурса, обозреть его со стороны, заметить идеологию там, где мы её до сих пор не замечали. И это очень интересно, это настоящее интеллектуальное приключение для читателя.

Можно сказать, что творчество Пелевина — это некая обратная сторона либеральной идеологии, на лицевой стороне которой, если мыслить в рамках литературы, всегда находился букеровский «новый официоз». Пелевин как бы волевым усилием включает саморефлексию этой идеологии, саморефлексию, которая всеми силами блокируется изнутри. Это очень важно, потому что обычно никакая идеология не рефлексивирует над собой, этим она себя разрушает.

Поэтому говоря о Пелевине, можно констатировать, что он культивирует пограничное идеологическое состояние, находясь одной ногой наружи, а другой ногой внутри либеральной матрицы.

Напряжение, возникающее на этой границе, всегда дает сильный толчок, подпитывает энергией пелевинские сюжеты.

Может быть, пелевинская стратегия создаёт некий эрзац идеологичности литературы, имитирует или реконструирует её особый статус в культуре. Но творчество Пелевина всё же представляет собой некоторое исключение, лишь подтверждающее правило. Поэтому независимо от пелевинского феномена возникает вопрос: может ли современный автор вновь стать литературоцентричным? Может ли пространство современной культуры строиться на основе открытых сакральных образов, а не вокруг многочисленных гражданских суеверий, завуалированных потребительскими играми, в том числе и играми литературными? Это, как говорят, американцы, вопрос на миллион.

В России существовала премия имени Аполлона Григорьева, которая ставила во главу угла именно эстетический критерий, но век её был недолог. А Премия имени Андрея Белого, которая делает то же самое, одновременно вынуждена культивировать свою маргинальность, пребывать в статусе городского шута. Почему так происходит? Потому что литература сегодня не является конвенциональной сферой с высоким уровнем согласия сторон. Изящной словесности сегодня «поручено» производить не идеологию, не идеалы, а шоу — идеологию игры, весёлой относительности. Поэтому разговор о «качественной литературе» (в просторечии — «что бы почитать») наталкивается на отсутствия общих критериев.

Общество ушло от эпохи литературоцентризма. Ситуация может измениться, только если литература с социальной периферии вновь переместится в центр и начнет озвучивать общезначимые, важные для всех месседжи. Иными словами, если она вернёт себе идеологические функции. Речь идёт, конечно, не о какой-то «единственной идеологии». В Европе в XX веке по отношению к литератору было прилично и естественно употреблять выражение «совесть Запада» — так называли Альбера Камю и Томаса Манна. Объясняя смысл своей повести «Посторонний», Альбер Камю мог сказать: «Мой герой — это

единственный Христос, которого мы сегодня достойны». Это очень сильное заявление по нынешним временам, но в XX веке оно никого не удивляло.

Если в обществе возьмут верх тенденции, связанные с новой универсализацией культурного пространства, тогда возможно возвращение идеологических функций литературы. Но для этого под влиянием неких неустраняемых внешних факторов должна измениться сама общественная повестка, должна появиться возможность прямого высказывания, как бы «огибающая», игнорирующая пространство нынешних социальных игр.

Этот процесс идёт, но довольно медленно. Например, в последние годы имели место попытки прямого высказывания в жанре «политики поверх политики» в таких общественно-политических сборниках, как «Перелом» и «Плаха», а скоро в рамках этой же серии появится сборник «Язык». Созданием пространства непрямого высказывания занимается и Русская экспертная школа, участники которой пытаются найти какие-то ходы в нагромождениях модернистских институций, пробить брешь в бетонных блоках неопозитивистской и конструктивистской идеологии.

Но пока что литература занимает периферийное, а не центральное место в культурном пространстве. Более того, само пространство культуры испытывает период дробления, нишевости и высокой фрагментации. Она всё ещё находится в состоянии «ризомы», если использовать известный термин Жюль Делёза. Это значит, что позиции «центра» в культуре официально нет (так ли на самом деле — вопрос дискуссионный). Даже музыкальный шоу-бизнес в последнее время очень сильно «просел», хотя в 80-90-е годы он играл большую роль в определении моделей «образа жизни» молодёжной аудитории. Культура приобрела состояние, напоминающее структуру сетевого пространства, и популярность социальных сетей и блогеров это подтверждает. Именно «сеть» в широком смысле находится в центре внимания. Но сеть не имеет центра и периферии, начала и конца.

Главный фокус всякой идеологии в том, что пока мы находимся внутри неё, мы не замечаем, что это именно идеология. И только когда мы делаем шаг и выходим наружу, переступаем невидимую черту, мы вдруг понимаем: о, это был некий дискурс, это был набор идеологем. Только тогда мы идеологию начинаем «видеть». Нечто подобное происходит сегодня, в ситуации глубокого кризиса либерализма. Кризис либерализма заключается в том, что он полностью перестаёт соответствовать собственным идеалам (если грубо и коротко — идеалам «свободы, равенства братства»). Вместо пространства универсальных ценностей в неолиберальной парадигме сложилась модель «демократического расизма», войны цивилизаций, культурного неравенства и права на «цивилизованное насилие». И чем дальше, тем это всё более заметно.

Процесс распада либеральной парадигмы идет, но идет медленно. Мы ещё не можем сказать, что выскочили за её рамки. Свежий воздух истории пока ещё едва проникает в узенькие щели.

Релятивистский принцип в культуре умрет тогда, когда возникнут новый теологизм и новый универсализм. Это не значит, что какая-то религия завладеет умами или все вдруг станут религиозными, православными, мусульманами и т.д. Универсализм и теологизм возникнут тогда, когда произойдёт неизбежное и, что важно, осознанное обращение культуры к ценностям, находящимся за её пределами. К каким именно ценностям — это отдельный вопрос. Но так или иначе, внутреннее, имманентное пространство культуры будет исчерпано до конца. Пока этого не произошло, хотя всё свидетельствует о движении именно в этом направлении.

Но сейчас возлагать на литературу большие надежды и ждать, что она вдруг сделается оппозиционной и вернёт нам право на прямое высказывание, право на свободный выбор идеалов и ценностей, конечно, было бы преждевременным. В данный момент литература

не в состоянии нас спасти. Но мы сами можем спасти литературу, оттолкнувшись от глубинных оснований повседневности и создав для неё новый фундамент взамен того, который был так неосмотрительно и поспешно разрушен.

ИСТОКИ РУСОФОБИИ В США

Прежде чем перейти собственно к теме американской русофобии и её истоков, необходимо сделать одно важное замечание. Я буду рассказывать не только о результатах своих исследований, но и о методе, который в этих исследованиях применялся. В рамках проекта «Терра Америка», в котором мне посчастливилось принять участие, мы с коллегами называли этот метод интеллектуальным расследованием. Суть его состоит в том, что «расследователь», приступая к рассмотрению какого-либо сложного явления, отказывается от какого-либо уже существующего экспертного суждения относительно предмета своего исследования. Заранее на веру ничего не принимается. Факты не отбираются в угоду какой-либо концепции, а рассматриваются во всём своём объёме для того, чтобы выявить их универсальную взаимосвязь. Такая взаимосвязь и будет механизмом появления или «работы» того или иного явления.

Почему методологическая сторона вопроса так важна? Дело в том, что каждый раз, когда в образованной, читающей аудитории заходит разговор о столь неоднозначной теме как американская русофобия (или, как принято в определённых средах говорить, русофобия англо-саксонская), неизбежно сталкиваешься с априорными суждениями о её происхождении, основанными на самых разных теориях, некоторые из которых носят откровенно конспирологический характер.

«Конспирологичность» сама по себе, конечно, не может быть основанием для отбраковывания теории. Любую конспирологию, как было принято говорить на планёрках «Терра Америка», необходимо «расколдовать», то есть выяснить, есть ли за ней некий реальный ме-

ханизм, функционирование которого приводит к наблюдаемым результатам. Если такого механизма не предъявлено, то такая теория не может считаться научной в полной мере.

Есть теория о вечной вражде континентальных и морских держав. Есть мнение, что мы и англосаксы испытываем друг к другу некую социобиологическую ненависть. Это нельзя полностью исключать, но до тех пор, пока не выявлен механизм возникновения и постоянно-го воспроизводства такой вражды и такой ненависти, мы не можем пользоваться этими теориями и строить на них своё мировоззрение. Всё, что до сих пор предъявлено в качестве доказательств таких теорий — это, на мой взгляд, всё сплошь «гомеопатия» и «глобальное потепление», то есть постулаты и заклинания, а не научные доводы.

Также часто говорят о массовой психологии, но массовая психология — это почти всегда манипуляция массовым сознанием. Надо понять, кто, как и зачем это делает, а не постулировать, что тот или иной факт массовой психологии имеет место.

Поскольку моя область деятельности относится к сфере политологии, я постараюсь продемонстрировать политический механизм зарождения, закрепления и воспроизводства русофобии в Америке. При этом очень важен переход от глобального противостояния СССР и западного блока к нынешней ситуации, когда не стоит вопрос «или-или» и нет идеологического противостояния.

При рассмотрении проблемы русофобии неизбежно возникает ещё одна сложность. Некоторая часть читающей публики считает, что такой проблемы вовсе не существует или она носит ситуативный характер. Скажем, стоит отдать некую незначительную часть своей территории, сменить «режим» или сделать ограниченный ряд уступок, и русофобия исчезнет. Но в таком случае это не проблема русофобии. Точнее, следовало бы говорить не о русофобии, а о некой другой проблеме.

Как будет показано ниже, мы имеем дело именно с русофобией (а не, скажем, с «советофобией» или «путинофобией»), причём

проблема носит политический характер, то есть связана с политическими течениями и теориями, различными фракциями, так называемыми группами специальных интересов. И всё это — в историческом развитии.

В таком случае мы имеем дело с практической политологической проблемой, о которой можно говорить, в том числе можно дискутировать с теми, кого мы считаем русофобами. И есть шанс — может быть, не при жизни этого поколения — решить когда-нибудь данную проблему. Иными словами, русофобия, которая «не лечится», для данного рассмотрения бессмысленна. В таком случае нужны не специалисты по политике, а военные специалисты, поскольку «неизлечимая русофобия» в лучшем случае ведёт к бесконечному взаимному сдерживанию, в худшем — к некой финальной и решительной битве.

Как уже говорили, мы будем рассматривать проблему в исторической ретроспективе. Это важно, поскольку мы говорим не просто о русофобии, а о её истоках. Стало быть, мы должны указать время, когда она совершенно точно существует, «отмотать» назад до времени, когда её не было, а затем попытаться «нащупать» момент, когда она появилась, и разобраться в происходивших тогда политических процессах.

Если спросить у любого россиянина, который читает Интернет или смотрит новости по телевизору и интересуется американской или международной политикой, какое лицо (лицо американца, разумеется) у него более всего ассоциируется с русофобией, то в ответ мы предсказуемо услышим имя Джона Маккейна. Можно показать картинки, как на полицейском опознании, и очень многие узнают его лицо.

На Маккейна можно было бы не обращать внимания. Действительно, это очень убеждённый «ястреб», его молодость прошла в самый разгар холодной войны, он воевал во Вьетнаме и попал в плен, где его, как известно, пытали. Теперь же человек может находиться в плену своего прошлого опыта и прошлой картины мира.

Но Маккейн не единственное лицо русофобии в Америке. Просто он наиболее узнаваемое из них. Предъявим ещё двух персонажей: сенатора Марко Рубио, который в 2016 году участвовал в президентских праймериз, и лидера республиканского большинства в Сенате Митч Макконнелл. Втроём (Маккейн, Рубио и Макконнелл) они представляют собой группу весьма влиятельных и, главное, системных политиков. Это не маргиналы и не городские сумасшедшие, а уважаемые конгрессмены. Притом ни одного из них нельзя назвать либералом.

Каждый из них за прошедший 2016 год хотя бы раз произносил фразу «Putin is a thug», то есть «Путин — головорез», «убийца», «бандит» и т. п. Казалось бы, к русофобии это не имеет никакого отношения, но наши «герои» не ограничиваются высказываниями в отношении российского президента. За тот же год каждый из них с теми или иными вариациями произнёс следующую фразу. Приведу её сначала в английском варианте: «Russians are inherently (intrinsically) aggressive. They will never share (adopt) our values», то есть: «Русские по своему внутреннему содержанию (по своей природе) агрессивны. Они никогда не разделят (не примут) наши ценности».

Не Путин, а именно русские, что с очевидностью переводит проблему из плоскости «не тот режим» в плоскость «не тот народ». Подчеркну, речь идёт об очень известных системных политиках. Двое из них могли бы стать президентами США. Один из них, Марко Рубио, по всей видимости, сделает ещё одну попытку. И они говорят такие вещи. Разумеется, у каждого из них есть «извинения». Макконнеллу уже давно пора на пенсию. Маккейн воевал во Вьетнаме, попал в плен, подвергался там пыткам, так что психика его могла быть надломлена. Рубио — молодой неокон, неопытный и, честно говоря, не очень далёкий, попавший под влияние старших товарищей.

Позвольте привести ещё один пример. Это Томас Грэм, управляющий директор Kissinger Associates, реалист из реалистов, не преисполненный какими-то негативными чувствами по отношению к

нашей стране. Наоборот, следуя заветам основателя фирмы, Генри Киссинджера, он старается всячески рационализировать российско-американские отношения. В 2014 году Грэм написал следующее: «Путин является голосом русского консенсуса о роли России в мире. Этот консенсус имеет глубокие корни в русской истории и традиции стратегической мысли. Короче говоря, мы имеем дело не с проблемой Путина, а с русской проблемой. Реальность создаёт значительные препятствия для сотрудничества даже по вопросам, представляющим общий интерес».

Здесь важны два аспекта: во-первых, русская проблема существует, во-вторых, не стоит надеяться на то, что с русскими, с их историей и традициями, можно когда-нибудь не то что подружиться, а даже договориться. Если это не русофобия, то скажите мне, что это.

Между тем в американской политике отнюдь не все являются русофобами, ни в смысле Маккейна, ни в смысле Грэма. Вот неполный перечень таких людей: Пол и Рэнд Полы, Патрик Бьюкенен, Джон Макфарлейн, Дана Рорабахер, Пол Крейг Робертс, Тулси Габбард и другие. Подчеркну — это неполный список. Особенно выделяется здесь г-жа Габбард, молодая представительница Демократической партии. Она была пламенной сторонницей Берни Сандерса на демократических праймериз 2016 года, вышла из состава руководящих органов Демократического национального комитета в знак протеста против махинаций на первичных выборах и продолжала поддерживать старика Сандерса даже тогда, когда он сам сдался на милость Хиллари. Хотя, казалось бы, она просто воплощение либеральной Америки: индуистка, представитель коренной народности архипелага Гавайи, женщина-офицер морской пехоты. Недавно Габбард съездила в Сирию, на территорию, контролируруемую правительственными войсками, говорила с людьми и по результатам своей поездки представила общественности документальный фильм, весьма оценённый в интернете. Она также встречалась с Башаром Асадом и подробно поделилась впечатлениями об этой встрече в эфире американского телеви-

дения. Эта женщина оказалась смелее, чем Сандерс, она поддержала Трампа (хотя разошлась с ним по вопросам внутренней политики) в том, что с Россией надо налаживать отношения.

Но давайте обратим внимание на ту часть списка, которая относится не к либералам, а к консерваторам. Робертс, Рорабахер, Пол-старший, Бьюкенен, Макфарлейн — все они в своё время входили в команду 40-го президента США Рональда Рейгана, человека, которого многие наши сограждане считают чуть ли не главным историческим врагом. Тем не менее Рейган не был русофобом. С его точки зрения, с момента, когда СССР перестал быть агрессивной атеистической державой, он перестал быть и «империей зла». Часто можно слышать, что неоконсервативная ненависть к нашей стране возникла именно во времена Рейгана, но это не так. Неоконов он держал подальше от себя, Буш-старший вернул их в Вашингтон. Но даже он, преемник Рейгана, не посмел в свой первый срок (второго, как известно, не было) принять решение о расширении НАТО на Восток (это было сделано при президенте Клинтоне). То есть сегодня очень часто имя Рейгана упоминается всуе, когда произносятся агрессивные и в целом русофобские речи — якобы именно он показал, как надо разговаривать с «этими проклятыми русскими», но Рейган тут ни при чём. Как раз он чётко разделял идеологию, геополитику и собственно «цивилизационную несовместимость». Он считал, что последнее явление — надуманное, конъюнктурное.

Разумеется, русофобом нельзя назвать и 45-го президента США Дональда Трампа. Но как только он заговорил о сближении с Россией, о том, чтобы поладить с ней и совместно бороться с международным терроризмом, его обвинили в том, что он является русским агентом. Впрочем, он является не первым американским лидером, которого обвиняют в пророссийском уклоне.

И здесь мы начинаем экскурс в историю. Позвольте представить Джона Квинси Адамса, первого официального посла в Россию (1809 – 1814), госсекретаря (1817 – 1825) и 6-го президента США

(1825 – 1829). По сути дела, Адамс персонализировал собой золотой век в отношениях между США и Россией, продлившийся до 20-х годов XX века, и он же является автором так называемой Доктрины Монро, к которой в определённой степени пытается вернуться и Трамп. Лозунг «Америка прежде всего!» («America First!») появился именно тогда. Президент Джеймс Монро (и в то время госсекретарь Адамс) считал, что Соединённые Штаты должны держаться подальше от европейских конфликтов и всячески отбивать попытки европейцев вмешаться в дела Западного Полушария. До 1940-х это считалось аксиомой, и это при том, что первой экономикой мира США стали в 1898 году и не уступили это звание никому ни накануне Первой Мировой, ни во время так называемой Великой Депрессии — во всяком случае, по тем данным, которым я доверяю.

Но вернёмся к исторической ретроспективе. Несмотря на то, что отношение к нашей стране было тогда принципиально иным, Адамса во время предвыборной кампании 1824 года пытались обвинить в том, что он, проведя много времени в Санкт-Петербурге, стал русским агентом, что не помешало ему стать президентом. Причём речь шла не о воле избирателей, далёких от внешнеполитических разборок, а о сознательном решении истеблишмента. Поскольку ни один из кандидатов на выборах 1824-го не набрал необходимого количества голосов выборщиков, всё решалось в Палате Представителей Конгресса. Конгресс сделал «русского агента» президентом. Можем ли мы сейчас представить подобное?

Когда-то Россия и США были очень дружны. Во время войны за независимость, в 1779 году, английский король Георг III обратился к императрице Екатерине II с просьбой отправить в американские колонии 20-тысячный экспедиционный корпус для помощи британским войскам в подавлении революции. За каждого солдата британский монарх пообещал 9 фунтов золотом. По тем временам это была немалая сумма, особенно учитывая, что «проездные», питание и снабжение боеприпасами оплачивались отдельно. Это было чрезвычайно

соблазнительным предложением, особенно учитывая начинавшееся тогда противостояние Лондона и Санкт-Петербурга. Представьте себе, что бы случилось, если бы государыня императрица ответила согласием на просьбу британской короны! 1779 год — это практически пик военной карьеры Александра Васильевича Суворова и его доктрины войны не числом, а умением. К тому времени чудо-богатыри Суворова уже одержали немало побед за счёт своей передовой тактики и идеальной боевой выучки. 20 тысяч отборных русских солдат под должным руководством не оставили бы камня на камне от молодой американской государственности.

Но Екатерина не пожелала растоптать заокеанскую республику. Она отклонила просьбу Георга III, сославшись на «потребность в войсках на других театрах», а также (и это очень важно!) на то, что отправка корпуса «не послужит славе Российской империи», то есть это было принципиальным проамериканским решением. Годом позже Россия возглавила лигу неприсоединившихся государств, которые отказались поддержать Лондон в его войне с североамериканскими штатами и, по сути дела, прорвали торговую блокаду мятежных колоний. Когда очередные русские транспортные корабли прибыли в Америку, их встречали с большой помпой и фейерверками. Сэмюель Хинтингтон (нет, не автор «Столкновения цивилизаций», а президент Континентального Конгресса) написал тогда в официальном письме в Петербург: «Конгресс желает, чтобы чувства и мероприятия, изложенные в прилагаемом документе и затрагивающие этот важный сюжет, были бы доведены до сведения нашей великой и доброй союзницы как только это окажется возможным». Вот так — великой и доброй союзницы.

Спустя почти век, в ходе Крымской войны 1853 – 1856 гг., пришла очередь Соединённых Штатов оказывать России поддержку. Президент Франклин Пирс заявил русскому послу, что Америка готова вступить в войну на стороне Санкт-Петербурга, если положение нашей армии в Крыму станет отчаянным. Россия настаивала на сохране-

нии Америкой нейтралитета и даже отказалась принимать два добровольческих корпуса, которые были готовы к отплытию из Нью-Йорка. Тем не менее в Россию шли транспорты с оружием и боеприпасами, в Севастополь прибыли 50 высококлассных военных врачей, которые оказали неоценимую помощь русским солдатам.

Позже по этому поводу российский канцлер Горчаков писал в своих воспоминаниях: «Симпатии американской нации к нам не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было бы ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета».

Менее чем через 10 лет наступает очередь ответной услуги России — в ходе войны между Севером и Югом. Наша страна выступает на стороне Севера, заявляя о «вооружённом нейтралитете». В адрес Линкольна идут письма с выражением поддержки и «заинтересованности России в нерушимости Американского Союза». Северяне тогда называли США «Союзом» (и это было очень важно с идеологической точки зрения), а южане говорили о себе как о Конфедерации. Россия же говорила о заинтересованности в Союзе. В 1863 году почти синхронно, с разницей в два дня, в Нью-Йорк и Сан-Франциско прибыли две русские эскадры, встреченные у обоих побережий США со всеми подобающими воинскими ритуалами. Известная гравюра о прибытии наших кораблей в Нью-Йорк до сих пор хранится и демонстрируется в музее Конгресса. Как известно из истории, морская блокада Конфедерации сыграла решающую роль в победе Севера. Так «вооружённый нейтралитет» России, по сути дела, был поддержкой этой блокады.

Уже в XX веке, правда, ненадолго, Россия и США становятся союзниками в Первой Мировой войне, затем американские войска в рамках общей операции Антанты проводят непродолжительную операцию на северо-западе России. Соединённые Штаты не признают большевистское правительство вплоть до 1930 года, что не мешает, однако, американским, как бы сейчас сказали, НКО, помогать русским

людям. Так, в 1920 – 1921 гг. Американская ассоциация помощи (ARA) спасла от голода и болезней от 8 до 10 миллионов советских граждан. (Тогда ассоциацию возглавлял Герберт Гувер, который через 9 лет станет президентом США.) На помощь была израсходована гигантская по тем временам сумма — 80 миллионов долларов, 28 миллионов выделил Конгресс США, ещё 39 миллионов собрали простые американцы. Советское правительство выделило на программу 13 миллионов долларов, но не «живыми» деньгами, а госгарантиями, профинансированными американскими частными корпорациями. В отечественных архивах до сих пор хранятся фотографии столовых и лечебниц ARA, а также листовок на русском языке, разъяснявших, как получить помощь в голодающих губерниях.

В 1930-е, когда США уже признали СССР, начинается период, как бы сейчас сказали, прагматичного сотрудничества. Несмотря на то, что в то время не было более антикоммунистического, антилевого и в целом антисоветского государства (с точки зрения внутренней идеологии), чем Соединённые Штаты, в Союз для оказания помощи в индустриализации направляются бизнесмены, инженеры и квалифицированные рабочие. В 1930 – 1935 гг. в Советской России перебивали более 200 тысяч американских специалистов и предпринимателей. В то время у нас активно работали такие фирмы, как Ford Motor Company, General Motors, DuPont de Nemours, International Harvester, Koch Industries, John Deere Co., Caterpillar Tractor, Radio Corp., National City Bank, Chase National, Equitable Trust и другие. Иосиф Сталин появляется на обложке журнала «Time». Именно тогда под вывеской «Магазин для американцев» возникает прообраз хорошо известной в позднесоветский период торговой сети «Берёзка». В отличие от обычных советских магазинов, эти торговые точки были под завязку набиты продуктами и промтоварами, которые продавались за твёрдую валюту. Для американских гостей строят целые посёлки и города повышенной комфортности. Под Нижним Новгородом (тогда — Горьким) был выстроен целый город для заокеанских гостей, в основном для инже-

неров и рабочих Ford Motor Co. и их смежников. Тут производились так нужные советскому сельскому хозяйству трактора и зарождалось отечественное автомобилестроение.

Любопытно, что американские бизнесмены, то есть социально чуждые социалистическому строю люди, тогда с большим пониманием относились к нуждам молодой советской индустрии и очень хорошо относились к русским коллегам. Приведу два примера.

Ford Motor Co. налаживает в Ленинграде выпуск своих небольших тракторов Fordson-F под совместной торговой маркой «Фордзон-Путиловец», кратко — «ФП». Этот легендарный трактор известен нам под другим названием — «Красный путиловец», по названию завода. Эта машина стала символом коллективизации, она демонстрируется в кино, её изображают на агитационных плакатах, а позже она войдёт в учебники истории. Кстати, образ женщины-трактористки, строящей коммунизм на селе, также был подсказан маркетологами Форда. В Санкт-Петербурге (тогда — Ленинграде) в ходе первой демонстрации американского «железного коня» трактором Fordson управляли девушки, приехавшие в СССР в составе делегации Ford Motor Co. Это был уже хорошо отработанный Генри Фордом ход: если с его автомобилем или трактором может управиться женщина, значит машина чрезвычайно проста в управлении и обслуживании.

Уже через пару лет было решено минимизировать лицензионные отчисления американскому партнёру. С радиатора трактора исчезли буквы «ФП», на месте осталась только красная звезда, со сборочного цеха также сняли надпись «Фордзон-Путиловец». Более того, наши инженеры разобрали трактор, изучили его несложную конструкцию, выбросили из неё «ненужные детали» и стали собирать уже как собственную разработку. По прошествии нескольких месяцев выяснилось, что качество машин сильно ухудшилось. Советскому руководству хватило наглости написать претензию в США. Вообще американский контрагент мог потребовать неустойки и раструбить о поведении «этих русских» на весь мир. Но Генри Форд не только не

стал требовать компенсации за нарушение лицензионного соглашения, но и помог решить возникшие проблемы, отправив в Россию одну из лучших выездных инженерных бригад.

Через несколько лет правительство СССР приняло решение построить завод по производству более крупных и мощных тракторов и начало переговоры с фирмами International Harvester и Caterpillar Tractor (Ford принципиально производил трактора для малых фермерских хозяйств). Поскольку Генри Форд был в определённой степени первопроходцем технологического сотрудничества с Советской Россией, за советом обратились к нему — можно ли русским доверять и насколько сложно внедрять новые технологии в «этой стране». Форд дал самую лестную оценку деловым качествам и профессиональной подготовке советских инженеров, ни словом не обмолвившись о «недоразумении» с лицензионными платежами. В 1932 году на заводах в Харькове и Сталинграде началось производство нескольких моделей тракторов International Harvester. Как не вспомнить Сталинградский тракторный завод! Именно здесь были произведены и переданы экипажам Т-34-ки, осуществлявшие контрнаступление под Москвой в декабре 1941-го.

Раз уж мы вспомнили легендарный танк Победы, есть смысл рассказать и ещё об одном американском инженере и бизнесмене, поработавшем на СССР. Его имя мало известно отечественной публике, зато тем, кто интересуется американской политикой, хорошо знакомы его сыновья, Дэвид и Чарльз Кох, до недавнего времени — две наиболее демонизируемые леволлиберальными политиками личности. До того времени, когда на политическом небосклоне не появился Дональд Трамп. Братья Кох — главные спонсоры правоконсервативного Движения Чаепития, которое в 2010 году на промежуточных выборах в Конгресс вернуло Республиканской партии контроль над Палатой Представителей, а в 2014-м — и над Сенатом. До «революции Трампа» одним из самых ярких событий в политической жизни США был «чайный бунт» (названный по аналогии с Бостонским чае-

питием, бунтом в порту Бостона в 1773 году — событием, считающимся отправной точкой американской революции). В 2016 году братья Кох собирались потратить на выборы разных уровней более миллиарда долларов. Их фаворитом был сенатор Тед Круз — классический «чайный» политик.

Основу бизнес-империи братьев Кох заложил их отец, Фред Чейз Кох, одарённый и предприимчивый инженер-химик. В фамильном имении Кохов висит огромный портрет этого человека кисти художника, чьё имя не разглашается. В 1927 году Кох-старший изобрёл новый способ крекинга нефти, наиболее передовой для того времени. Новая технология позволяла при относительно небольших инвестициях осуществлять быстрое строительство нефтеперегонных заводов, в том числе и небольших. Эти заводы давали потрясающие результаты — разделять фракции нефти стало легче и дешевле. Такое изобретение ставило под угрозу монополию американских нефтяных гигантов, теперь более мелкие игроки могли составить им конкуренцию по цене и качеству бензина, а главное — дизельного топлива, которое тогда только начинало становиться «кровью» тракторов и танков. Нефтяные компании развязали против Фреда Коха патентную войну. Предприниматель не сдавался и отчаянно сражался в судах, но быстро опустошаемые счета заставили его искать применение своих талантов за рубежом. Разослав свои рекламные брошюры в несколько десятков торговых и дипломатических представительств, он получил неожиданное приглашение в Советский Союз. 1929 — 1932 гг. Кох построил в СССР 15 самых современных на тот момент времени НПЗ, которые позволяли получать очень качественное дизельное топливо и относительно неплохой бензин — и всё это быстро и дёшево. Как и большинство американских бизнесменов и инженеров, Кох работал на условиях передачи технологий нашей стране. В рамках своего контракта он не только поставил на поток строительство НПЗ нового типа, но и обучил более трёхсот советских инженеров, которые к его отъезду досконально знали детали новой технологии.

В первые три года Великой Отечественной войны дизтопливо для Т-34-ки поставлялось с заводов, построенных благодаря сотрудничеству СССР с Фредом Чейзом Кохом. Вернувшись из СССР в США, Кох написал ставшую бестселлером книгу «Бизнесмен смотрит на коммунизм». Сейчас эта работа, увы, стала раритетом, но всякому, кто имеет возможность прочесть её в интернете или в бумажном варианте (насколько я знаю, перевода на русский так и не было сделано), я советую это сделать. Фред Кох не относился к числу тех граждан западных государств, которые в 1920 – 1930-е гг. восхищались СССР и были готовы бескомпромиссно и безвозмездно рекламировать «самый справедливый строй на планете». Кох не был левым, он был консерватором и бизнесменом. Розовых очков у него не было, так что происходящее в Советской России его ужаснуло. Он писал об СССР как о стране «голода, мучений и террора». Его отец сделал весьма действенную антисоциалистическую прививку своим сыновьям, ведь он видел построение реального социализма. Но ничего плохого о русском народе, о каком-то его врождённом рабстве или враждебности, в его книге вы не найдёте. Наоборот, Фред Кох очень тепло вспоминает о своих русских коллегах и учениках, при этом не называя их имён, боясь их подставить. В книге описывается сцена, как Коху пришлось прятать у себя в ванной от сотрудников ОГПУ (предшественника НКВД) наших инженеров, зашедших к нему поболтать. Убеждённый антикоммунист, не питавший никаких иллюзий относительно сталинизма (и даже ненавидевший его), не был русофобом. Не политик, не политолог, а простой американский инженер и предприниматель умел «отделять мух от котлет» в 1930-е: коммунизм — плохо, русские — отличные люди. Более того, несмотря на «голод и мучения», он очень высоко оценивал перспективы Советского Союза в «ближайшие 10 — 20 лет».

Кох-старший был убеждённым консерватором. Он голосовал за республиканцев всю свою жизнь. А республиканцы тогда были изоляционистами (сегодня это слово приобрело негативную коннотацию, и многим консерваторам приходится уточнять, что они являются нон-

интервенционистами). Впрочем, тогда демократам тоже приходилось мимикрировать. Доктрина Монро считалась главной и единственно правильной основой внешней политики США. Как сейчас — «сдерживать Россию» и «продвигать демократию», тогда было — «не вмешиваться в мировые войны» и «ценить дружбу с Россией при соблюдении нейтралитета».

Это было бы прекрасной внешнеполитической доктриной США сегодня, не правда ли? А в 1940-е для СССР это стало большой проблемой. Соединённые Штаты, вступившие в Первую Мировую войну на самом её излёте, никак не хотели ввязываться во Вторую Мировую. Это сейчас американский изоляционизм (со всеми симпатиями по отношению к Москве) кажется замечательным. А тогда изоляционисты были практически нашими врагами. Они со скрипом согласились на ленд-лиз, а об открытии второго фронта и слышать не хотели.

В 1940 году в США состоялись очередные президентские выборы. Само собой, от Демократической партии на переизбрание шёл Франклин Делано Рузвельт (тогда в США ещё не было конституционного ограничения на количество президентских сроков, только традиция, заложенная Джорджем Вашингтоном). Республиканцы выступали с позиций изоляционизма: пусть «эти европейцы» сами решают свои дела и проливают кровь за свои «безумные идеи», США должны остаться в стороне. Тогдашний республиканский истеблишмент был представлен Роберто Альфонсо Тафтом, Томасом Дьюи и Артуром Вандербергом. Тогда лозунги «Америка прежде всего!» и «Хватит с нас ненужных интервенций!» звучали на всех республиканских предвыборных мероприятиях. Но только не на митингах, как бы сегодня сказали, несистемного кандидата Уэнделла Уилки, выступавшего за более активную роль Америки в мировых делах. В частности, он требует вступления США во Вторую Мировую с целью решительной победы над нацизмом.

Странно, что сегодня так редко вспоминают Уилки. Дональда Трампа сегодня сравнивают и с Дуайтом Эйзенхауэром, и с Эндрю

Джексоном, и с Россом Перо, но почему-то забывают о наиболее очевидном «историческом близнеце» — Уэнделле Уилки, любимце публике, селебрити, бизнесмене и новичке в политике, который, как и Трамп, рушил все правила предвыборной борьбы и в результате добился республиканской номинации. И точно так же, как Дональд ломал представление о республиканском кандидате как об обязательном внешнеполитическом ястребе. Уэнделл впервые предъявил республиканскую интервенционистскую повестку, причём, как и Трамп, он завоевал симпатии не истеблишмента, а избирателей, которые ждали более активного участия Вашингтона в борьбе с нацизмом.

Гранды американской политической мысли, в частности, Генри Киссинджер, утверждают, что внешняя политика США — это борьба двух школ, «джексонианской» и «вильсоновской», изоляционистской и интернационалистской. Но президент Вудро Вильсон (занимавший пост в 1913 – 1921 гг.), хоть и выступал за более активную международную политику и даже втянул США в Первую Мировую войну, не был интервенционистом. И здесь мы сталкиваемся с одним из трюков так называемого экспертного подхода — подменой понятий со ссылкой на авторитеты. До сих пор люди, которые ратуют за так называемые гуманитарные интервенции и полицейские функции США в мире, называют себя «интернационалистами», а не «интервенционистами». Президент-демократ Вудро Вильсон не был интервенционистом, у него и в мыслях не было отказываться от Доктрины Монро и от концепции «Америка прежде всего». Точно так же, как Франклин Пирс считал моральным долгом Соединённых Штатов выступить на «правильной стороне» в Крымской войне, Вильсон считал своим долгом быть на стороне государств-членов Антанты. Ни о каком вмешательстве в дела других стран на идеологических основаниях он и не помышлял. Уилки же призывал «показать силу демократии немцам». Возможно, эта идея пришла к нему интуитивно, возможно — по «мудрой подсказке», мы, увы, не можем сейчас достоверно утверждать что-либо по этому поводу. Так или иначе, но и Уилки не был русофобом.

Тем не менее тогда американское общественное мнение было настроено против войн за пределами если не самих США, то уж точно за пределами Западного Полушария. Франклин Делано Рузвельт победил на выборах 1940 года как кандидат невмешательства. Многие эксперты говорят сегодня, что он грезил войной и оккупацией половины Европы. Сложно комментировать эти высказывания, мы не можем залезть в голову Рузвельту. Но то, что вокруг него начало формироваться ядро будущего интервенционистского истеблишмента — это факт. Только когда в 1941 году случился Перл-Харбор, американцы ожидаемо потребовали ответного удара, но и тогда разговоров о европейском театре военных действий не шло — это было бы политическим самоубийством. Помните, как Сталину обещали открытие второго фронта в 1942 году? Ведь он был открыт. Только не в Европе, а в Северной Африке. Но Рузвельт приказал держать переброску американских войск и техники за океан в строжайшей тайне: он опасался, что обнародование этой информации самым негативным образом скажется на результатах промежуточных выборов в Конгресс. Лишь после их окончания американские части начали военные действия и, как известно, весьма успешно.

В 1943-м войска союзников вторгаются в Италию, в 1944-м — в Нормандию. И кажется, что мы этому уже не рады. Это уже начало холодной войны. Только взгляните в официальное фото Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте! Ведь это и есть начало холодной войны, если бы не наличие альтернативы в лице вице-президента Генри Уоллеса. В 1944 году уже мало кто сомневался в том, что президент Рузвельт умирает и, скорее всего, не переживёт свой четвёртый срок. Стало быть, его преемником станет тот, кто в качестве второго лица тандема выиграет выборы 1944-го. На Демократической национальной конференции разворачивается нешуточная борьба. Уоллес — любимчик американских левых, кажется, что альтернативы ему просто нет. Более того, он олицетворяет собой «дружбу народов США и СССР». Незадолго до описываемых событий он по приглашению Молотова

посещает советский Дальний Восток и Сибирь. В ходе своего визита Уоллес делает, разумеется, много ошибок (одна из которых — приравнение труда заключённых ГУЛАГа к освоению американцами «Дикого Запада»), но главный его вывод в целом был верен: двум великим державам следует держаться вместе и учитывать интересы друг друга, и Советский Союз следовал этому императиву. В 1949 году, когда холодная война уже объявлена и у обеих сторон уже есть ядерное оружие, на отечественные экраны выходит фильм «Встреча на Эльбе» (в котором роль американской ЦРУ-шницы и поджигательницы новой войны гениально играет Любовь Орлова). В этом самом фильме русский комендант Берлина, прощаясь со своим американским визави, кричит тому вдогонку: «И запомни, Джон! Дружба народов Советского Союза и Америки — это самый главный вопрос, который стоит сегодня перед человечеством!!!».

Да, шанс тогда был. Но недовольные Уоллесом (и Рузвельтом тоже — просто с ним они не могли ничего поделать) политики на партийной конференции США осуществили дворцовый переворот в условиях республики. Вице-президентом при умирающем любимце нации стал Гэрри Трумэн. Историки описывают его как самого незаинтересованного в своей должности вице — во всяком случае до апреля 1945-го, когда умер Рузвельт. Трумэн часто, как сказали бы сегодня, тусовался: играл в покер, пил виски в компании влиятельных друзей, играл на фортепьяно для «узкого круга», непринуждённо болтал со звёздами Бродвея (и говорят, что даже заводил с ними романы) — словом, «зависал по полной».

Тем временем истеблишмент готовился к смене курса во внешней политике, и когда умер Франклин Делано, Трумэна использовали как таран. Учитывая, что к тому времени Гэрри даже не знал о проекте «Манхэттен», можно себе представить, под каким давлением «политических профессионалов» он тогда оказался. Проходит два напряжённых года, и 12 марта 1947 года новоиспечённый президент, которого тогда никто не считал лидером (а так, врию), произносит свою знаме-

нитуемую речь перед Конгрессом, в которой излагает так называемую Доктрину Трумэна — США должны быть мировым лидером (кто-то скажет: полицейским), главной военной силой в западном мире, но важнее всего — следить за демократией в других странах. Так возникает либеральный интервенционизм, который наиболее ярко проявился в президентство Билла Клинтона (помните «гуманитарное» разрушение Югославии?), а позже — в Ливии и Сирии, при его супруге, госсекретаре Хиллари. Трумэн говорил о вмешательстве в дела других стран ради защиты «всех свободных людей». Это называлось «приверженностью защищать» (commitment to protect). В 1990-е либеральные интервенционисты и неоконсерваторы слегка подправили формулировку, она стала звучать как «обязанность защищать» (responsibility to protect). Как мы видим, это более сильная формулировка, требующая от политиков действовать, если где-то демократия находится в опасности.

Но вернёмся в 1947 год. В формировании новой доктрины приняли участие политики обеих партий, дипломаты, эксперты, высокопоставленные военные, бизнесмены и лоббисты. Их связка и стала тем, что сегодня известно как внешнеполитический истеблишмент. Отдельно хотелось бы выделить четверых действующих лиц. Это генерал Джордж Маршалл, который в январе 1947 года возвращается в США после неудачной миссии в Китай, где он попытался примирить националистов во главе с Чай Канши и коммунистов, возглавляемых Мао Цзэдуном. К тому времени Маршалл — пятизвёздный генерал, первый военный Соединённых Штатов, получивший такой ранг. Трумэн назначает Маршала госсекретарём. Его заместителем становится Дин Ачесон (он заменит Маршала на посту в 1949-м, после переизбрания Трумэна). Под руководством этого человека и ведётся разработка доктрины. Одновременно видный внешнеполитический эксперт Джордж Кеннан разрабатывает доктрину сдерживания. Она изначально была разработана для противодействия Китаю и СССР и в целом так и использовалась — до 1972 года, когда Никсон и Киссинджер стали во-

влекать Пекин в торговый союз с США. В 1947-м был сделан акцент на сдерживании именно Советского Союза. Кеннан становится, по сути дела, первым в ряду многих последующих влиятельных политических аналитиков, чьи услуги сегодня пользуются и Капитолий, и Белый Дом. Кеннан, правда, со временем отказывается от своей доктрины и становится одним из видных реалистов, но это происходит в течение не одного десятилетия. Свою политическую эволюцию Джордж Кеннан описал в книге «Дневники Кеннана» (Kennan Diaries) (отличная книга, также советую её прочесть).

В 1947-м к Трумэну потянулись и многие республиканские политики, которые были недовольны своим положением в партии. Как я уже говорил, тогда у республиканцев верховодили консерваторы, придерживавшиеся изоляционистской внешней политики. «Защищать всех свободных людей в мире» не входило в их планы. Новое поколение видит для себя шанс опрокинуть старое партийное руководство. В частности, уже упомянутый нами Артур Ванденберг меняет свою политическую позицию, становится одним из первых республиканских ястребов. Он частый гость в Белом Доме, его влияние растёт. Постепенно формируется влиятельная фракция республиканцев, поддерживающих интервенционистскую политику. Так постепенно складывается двухпартийный консенсус в отношении внешней политики.

Ещё несколько слов о Джордже Маршалле. Через два с половиной месяца после обнародования Трумэном своей доктрины Маршалл произносит речь в Гарварде и излагает основные положения своего знаменитого плана. И здесь к военно-политической составляющей добавляется составляющая экономическая — закладывается основа для трансатлантической торговли, формирования общего рынка и взаимозависимой, надгосударственной финансовой системы. В 1953 году за свою послевоенную деятельность Маршалл был удостоен Нобелевской премии мира.

Итак, перед нами президент, представители обеих партий, военные с огромными связями в ВПК, сотрудники госдепартамента,

внешнеполитические эксперты. Это и есть внешнеполитический истеблишмент, тот самый, который сегодня так сопротивляется возврату нон-интервенционистской политики. Потому что истеблишмент становится самовоспроизводящимся, он обладает огромной властью, которой ни с кем не хочет делиться. В Европе (в 1949 году возникает блок НАТО) и в Азии (в ходе корейской войны) у США появляются союзники, которых новый мировой полицейский уже просто обязан защищать. Но новую внешнеполитическую доктрину надо ещё «продать» Конгрессу. Когда проект нового основополагающего документа ложится на стол к Трумэну, тот делится своими соображениями и планами с Ванденбергом. Он хочет знать, что нужно сделать, чтобы законодатели приняли его точку зрения. И Ванденберг говорит президенту: «Идите и напугайте их до чёртиков!».

Следуя этому совету, помощники Трумэна пишут для него речь. Поначалу Ачисону и Кеннану она не нравится. Они считают, что в ней слишком много рассуждений и абстрактной риторики, а нужно сосредоточиться на фактах и целях. Трумэн возражает: «Конгресс не одобрит мой запрос... если только я как следует не разыграю карту угрозы». Президент настоял на своём, и законодатели согласились с Трумэном. Но убедить нужно не только конгрессменов, убедить предстоит весь американский народ. Его тоже нужно было «напугать до чёртиков».

Одним словом, необходимо было выстроить успешную и устойчивую внешнеполитическую доктрину. А какими качествами должна обладать такая доктрина? Во-первых, она должна пользоваться двухпартийной поддержкой, иначе через пару избирательных циклов от новой политики может не остаться и следа. Во-вторых, богатые группы специальных интересов должны её поддерживать, чтобы лоббисты и спонсоры политиков продолжали настаивать на следовании этой доктрине. Иными словами, корпорации и иностранные союзники должны получать от этой доктрины соответствующую выгоду. В-третьих, должны появиться эти самые союзники. Их надо разрекла-

мировать как форпосты демократии или западных ценностей. И когда речь зайдёт о сокращении расходов на интервенционистскую внешнюю политику, эти разговоры должны быть пресечены апелляцией к союзническому долгу. В-четвертых, доктрине должно быть обеспечено интеллектуальное доминирование, то есть мозговые центры и элитократия должны подавать её как само собой разумеющуюся. И когда все эти факторы заработают, образуется огромный пласт самовоспроизводящейся элиты, заинтересованной в сохранении данной доктрины.

Но этого недостаточно. Поэтому, в-пятых, нужна медийная (пропагандистская) поддержка. И в этом смысле обязательна апелляция к чувствам граждан, а чтобы эти чувства не притуплялись, нужна внутривнутриполитическая импликация внешнеполитической доктрины. Абстрактная внешняя угроза мало убеждает людей, она должна быть зримой, враг должен быть культурно чужд и врождённо враждебен. Потому что иначе всегда будет «соблазн» решить вопрос внешней угрозы миром. Если по ту сторону будут такие же люди с их семьями и повседневными заботами, как и тут, то избиратель рано или поздно начнёт винить не противника, а политиков. Для этого нужно создать не просто образ врага, а врага, который по своей сути (как нация, как народ) ненавидит всё хорошее в Америке, который не приемлет свободы, церкви, семьи и всего того, что определяет образ жизни избирателя. Более того, враг должен быть хитёр и коварен. Он должен постоянно угрожать жизненному укладу и политическому строю тут, в США, а не где-то в далёкой Корее или Вьетнаме.

И тогда появляется маккартизм. Справедливости ради, следует сказать, что сам сенатор Джозеф Маккарти стал лишь игрушкой в руках куда более могущественных сил с более далёким горизонтом планирования. Маккарти возглавил комитет по противодействию антиамериканской деятельности в 1950 году, а то, что мы называем маккартизмом, возникло практически одновременно с Доктриной Трумэна, в 1947 году. Историк Роберт Голдштейн, который специали-

зировался на изучении той эпохи, пишет: «Всё началось с указа президента Трумэна № 9835 от 21 марта 1947 г., согласно которому всех федеральных служащих надлежало проверить на “лояльность”». Программу проверки поручили курировать генеральному прокурору, которому предписывалось составить, а затем обновлять и дополнять список неблагонадёжных и подрывных организаций, которые несут чуждую идеологию из-за океана. Англоязычная аббревиатура для этого списка — AGLOSO. Критерии попадания в него были довольно размытыми, но главная проблема была даже не в этом. Вот что пишет Голдштейн: «Несмотря на то, что AGLOSO был предназначен для проверки федеральных госслужащих, с момента опубликования список быстро был взят на вооружение самыми различными общественными и частными организациями, а также местными властями, минобороны, предприятиями ВПК, школами, университетами, гостиницами, министерством финансов и госдепартаментом и служил основанием для увольнения, отказа в найме, а также других форм дискриминации».

Сенатор Маккарти через несколько лет был осуждён коллегами-конгрессменами и уволен со всех постов. Но маккартизм сохранился как негласный механизм проверки политиков и общественных активистов на лояльность истеблишменту и новой доктрине. Сейчас этот механизм работает практически безотказно. Вот, например, слова лидера демократического меньшинства в Палате Представителей Нэнси Пелоси, сказанные уже в 2017 году: «Мы должны как следует разобраться с данной проблемой, выяснить, кто ещё в этой администрации [Трампа] имеет связи с русскими... Это очень важно. Возможно, следует взглянуть на проблему шире и потребовать от разведсообщества составить список неблагонадёжных людей». Что это, если не маккартизм? Мы знаем, как это действует сейчас в США и Европе. Если ты выступаешь за налаживание конструктивных отношений с Россией, хорошо отзываешься о русских, значит ты враг, агент Кремля.

Проблема политической системы США и системы кадрового отбора в политический класс и экспертное сообщество состоит в том, что эта система построена на доктрине Трумэна и на поддерживающем её маккартизме. Хочу ещё раз обратить внимание, что имена Маккарти и Трумэна — это не имена авторов доктрины или людей, непосредственно виновных в нынешнем положении дел. Доктрина была выработана новым либерал-глобалистским истеблишментом, для которого интервенционистская внешняя политика стала способом сохранять свою власть, своё доминирование. Не разделяя положений этой доктрины, практически невозможно попасть в большую политику, журналистику, политологию, стать преподавателем престижного университета и т. д. Всё более поздние доктрины (уже в отношении России, а не СССР) строились на её основе.

Разумеется, после падения железного занавеса, ухода коммунистической идеологии и распада Советского Союза потребовался определённый ребрендинг доктрины. Для Демократической партии в этом смысле проблем особых не было, её партийный истеблишмент придерживался политики либерального интервенционизма всё это время. В любой стране мира, тем более в России, выбранной на роль геополитического противника, которого надо «сдерживать», можно найти изъяны, недостаток либерализма (иногда говорят — демократии, но в действительности речь идёт всегда о либеральных ценностях), то есть можно найти «свободных людей», которых надо защитить. Билл и Хиллари Клинтон и Джо Байден — типичные либеральные интервенционисты.

Сложнее обстоит дело с республиканцами. Часть из них восприняла трумэновскую доктрину ещё в конце 1940-х. И до сих пор есть республиканцы, мыслящие в этой парадигме. Характерный пример — бывший госсекретарь США Коллин Пауэлл, который в 2008 году организовал НКО «Республиканцы за Обаму». Но вместе с принятием внешнеполитической либеральной доктрины они вынуждены были соглашаться и с определённой частью внутривнутриполитической

либеральной повестки. А это подходило не для всех республиканцев, которые с середины 1970-х начали дрейф вправо, стали более консервативными.

Кумир консервативной Америки Рональд Рейган был лидером, для которого проблема «русской угрозы» была устранена в момент, когда СССР отказался от двух вещей: от распространения коммунистической идеологии по всему миру и от преследования верующих в стране. В 1988 году Рейган приезжает в Москву и в прямом эфире отказывается от своих прежних слов в отношении нашей страны, СССР перестаёт быть «империей зла». Более того, он держит неоконсерваторов подальше от себя. Неоконсерваторов, которые сегодня являются самым агрессивным крылом Республиканской партии (неоконы, надо сказать, имеют своих людей в обеих партиях, но в последнее время в основном действуют через республиканцев). Почему-то в отечественной экспертной среде распространено мнение, что неоконы обрели власть при Рейгане. Но это не так. Они оказались у власти при Буше-старшем, но даже он весь свой первый (и единственный, как выяснилось) срок не смел говорить о расширении НАТО на восток — настолько был высок авторитет Рейгана.

И всё-таки отношение к России и русским как к противникам (если не как к врагам) весьма характерно для большинства действующих политиков-консерваторов. Отчасти в этом виноваты неоконы, но об их влиянии мы поговорим чуть позже. Не все республиканцы неоконы, более того, многие влиятельные республиканские политики относятся к ним если не враждебно, то крайне настороженно. Так откуда у большинства республиканцев столь недружественное отношение к России?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к корням современной консервативной идеологии. Старая, изоляционистская, идеология потерпела поражение в 1940-е. Творцом новой заслуженно признан Уильям Бакли, соучредитель самого влиятельного право-консервативного издания в США National Review, на обложке которо-

го в феврале 2016 года большими буквами было напечатано: «Против Трампа». Бакли с 1950-х начал свою деятельность по пересборке консервативного движения в США. Составной частью его идеологии стал так называемый внешнеполитический консерватизм. На первый взгляд, внешнеполитический консерватизм очень органично сочетался с рейгановской антикоммунистической риторикой и антисоветской внешней политикой. Но если для Рейгана это был вопрос идеологических расхождений с руководством СССР, то для Бакли это был краеугольный камень современного консерватизма. Если, по Бакли, вынуть его из фундамента консерватизма, всё здание начнёт рушиться — во всяком случае, так казалось Бакли и его последователям. А ведь всё нынешнее поколение американских консерваторов выросло на его работах. Чтобы понять, как думает, скажем, Джон Маккейн или Пол Райан, надо читать Уильяма Бакли.

При внимательном рассмотрении в учении Бакли обнаруживается ещё один важный момент. Он был последовательным сторонником Джозефа Маккарти. В 1954 году вместе со своим зятем Брентом Бозелем он написал книгу (250 000 слов!) под названием «Джо Маккарти и его враги». Характерная цитата из этой книги: «Маккартизм — это движение, вокруг которого люди доброй воли и строгой морали могут сомкнуть свои ряды». Удивительно, как принадлежность Бакли к маккартистам осталась практически незамеченной американским экспертным сообществом, ведь от своих убеждений Бакли не отказался до конца своей жизни.

В 1988 году Бакли обрушился с резкой критикой на Рональда Рейгана за его визит в Москву. На страницах National Review он требовал от президента чуть ли не развернуть борт номер один над Атлантикой. А когда услышал в эфире национального телевидения, что американский лидер более не считает СССР «империей зла», пришёл в неопишущую ярость. «Президент Рейган не понимает, что русские были и всегда останутся такими, как во времена Сталина», — написал Бакли месяцем позже. В 2003 году Уильям Бакли безоговорочно под-

держивает Джорджа Буша-младшего в его интервенции в Ирак. Он также пишет, что отказ России поддержать эту войну является лучшим доказательством того, что они (то есть мы) никогда не станут друзьями Америке. Лишь под конец своей жизни он осознал, какую фатальную ошибку совершил. Его друг и ученик Джеффри Харт в некрологе Бакли написал: «Он рассматривал её [войну в Ираке] как катастрофу и был уверен в том, что консервативное движение, которое он создал, по сути дела, совершило интеллектуальное самоубийство, не удержавшись на дистанции от администрации Буша». Но дело было сделано. Агрессивная внешнеполитическая политика и устойчивое недоверие к России являются характерной чертой большинства американских политиков-консерваторов.

Разумеется, большую роль сыграли и неоконсерваторы. Их неотроцкистская идея о распространении демократии по всему миру (если надо, то и силой оружия) лежит в основе их идеологии. При Рейгане неоконсерваторы держат подальше от Вашингтона, но при Буше-старшем они возвращаются и становятся очень влиятельной силой. Пол Вулфовиц, которого Рейган отправил послом в Индонезию, приезжает в Вашингтон в 1989 году и становится руководителем политического управления Пентагона. К посланию президента Буша-старшего Конгрессу 1992 года он готовит доктрину глобального американского доминирования, которая затем получила название Доктрины Вулфовица. По сути дела, она отвечала на вопрос: что делать неоконсерваторам, когда коммунизм пал? Текст доктрины попадает в руки корреспондентов *The New York Times* и настолько поражает общественное мнение, что Дик Чейни и Коллин Пауэлл спешно переписывают её текст, смягчая формулировки. Но дальнейшие события показали, что Республиканская партия руководствуется именно первым, оригинальным вариантом доктрины. Вот характерная цитата из Вулфовица: «Нашей основной целью является предотвращение появления нового противника на территории бывшего СССР или где-либо ещё... Это главное соображение, лежащее в основе новой региональной обо-

ронной стратегии. Мы должны стремиться предотвратить доминирование любой недружественной силы в регионе, ресурсов которого под консолидированным контролем достаточно для формирования великой державы».

Через влиятельные двухпартийные мозговые центры (такие, как, например, Атлантический совет и Аспенская стратегическая группа) неоконсерватизм и либеральный интервенционизм взаимно обогащаются и постепенно становятся практически единой идеологией. Отличие одной идеологии от другой иной раз носит чисто стилистический или тактический характер. Так, неоконсерватизм более склонен к военным интервенциям (прямым и гибридным) и построению новых демократических режимов на месте разрушенных старых. Либеральные интервенционисты предпочитают заниматься вопросами прав человека, помощью НКО в «неправильных странах» и т. п. Но представители обоих течений единым фронтом выступили против Дональда Трампа и его идеи «поладить с Россией». Обе политические партии в равной степени заражены маккартизмом. Им в принципе непонятно, как можно иметь дело с русскими. Американских политиков и статусных экспертов так воспитали.

Разумеется, не всех. И не только Дональд Трамп, этот политический аутсайдер, несистемный политик, выступает против устоявшейся политической линии истеблишмента. Следует обратить внимание, например, на генпрокурора США Джеффа Сешнса и его ученика Стивена Миллера, который сейчас является советником президента. Миллер под руководством Сешнса, бывшего тогда сенатором от штата Алабама, вместе с коллегами-единомышленниками разработал концепцию «Америка прежде всего» для реалий XXI века. Сенатор-республиканец Рэнд Пол давно и последовательно критикует и либеральный интервенционизм, и неоконсерватизм. С ним во внешнеполитических вопросах солидарна конгрессумен, член Демократической партии Тулси Габбард. Это представители молодого поколения политиков, которое, будем надеяться, наконец, освободится от власти доктрин, выстроен-

ных вашингтонским глобалистским истеблишментом для сохранения своей власти и влияния.

Конечно же, очень многое будет зависеть от успешности Дональда Трампа как президента США. Борьба его с избранием не закончилась. Сейчас как раз начинается все самое сложное. С моей точки зрения, не столь важно, заключит ли он какую-нибудь «большую сделку» с Россией. Куда важнее, сможет ли Америка под его руководством избавиться от идеологических догм, постоянно подпитывающих русофобию.

КОМПЕТЕНЦИИ ВМЕСТО ЗНАНИЙ: РАБОТАЕТ ЛИ БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА В РОССИИ

Зачем был нужен Болонский процесс и кто в него вошёл? Какие факторы обуславливали необходимость этой интеграции и какие требования были поставлены на входе перед Россией, которая подписала Болонское соглашение в 2003 году? Реализованы ли эти требования? Изменилось, улучшилось ли что-то в нашей системе образования за 14 лет нашего участия в Болонском процессе? Смогли мы если не реформировать, то хотя бы модернизировать нашу систему образования благодаря вхождению в Болонский процесс?

Поставленные вопросы носят, скорее, риторический характер, но мы всё-таки попытаемся на них ответить и постараемся сделать это по возможности объективно, без популистской политической риторики, которая часто свойственна критикам нашей системы образования. Должен сказать, что я, как и наш декан философского факультета МГУ Владимир Васильевич Миронов (известна его брошюра на эту тему — «Размышления о реформе российского образования»¹) являюсь критиком этой системы, критиком последовательным и не просто скептиком, но человеком, считающими, что этой системе нужна какая-то альтернатива. Тем не менее мы работаем в этой реальности и считаемся с теми требованиями, которые предъявляет нам не только Болонская система, но и Министерство образования и науки РФ, и другие вышестоящие инстанции. Как администраторы, как «менеджеры» образования мы вынуждены отвечать требованиям

¹ Миронов В. В. Размышления о реформе российского образования. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 63.

сегодняшнего дня, и я, как руководитель аспирантуры философского факультета, должен требовать от своих коллег формирования пакета учебных планов, соответствующих Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) — в настоящее время это «ФГОС 3», скоро выйдет «ФГОС 3+». Также от сотрудников своего факультета я обязан требовать выполнения определённых наукометрических показателей, и при прохождении конкурса на замещение должности нашими сотрудниками обязан следить за тем, чтобы их публикационная активность соответствовала определённой формуле, которая задана Программой развития Московского университета. Образно выражаясь, можно сказать, что я оказываюсь в роли Понтия Пилата. Я задаю вопрос, что есть истина, и в то же время поступаю так, как мне предписано теми, кто уже знает, что есть истина. В данном случае, что такое истина в образовании, знает Министерство образования и науки, но давайте попытаемся разобраться, что такое правда. Потому что для русского человека «правда» и «истина» — два близких, но всё-таки разных понятия. Так, Фёдор Михайлович Достоевский говорил, что если ему докажут, что Христос — не истина, то он предпочтёт остаться со Христом, а не с истиной. Для русского человека понятие «истины» перекрывалось понятием «правды», в котором заключалась высшая справедливость, божественная, религиозная и общественная. Понятие «правда» включает в себя понятие справедливости. Вернее, само понятие справедливости фундировано понятием правды.

Недавно в «Новой газете» вышла статья, в которой заявлялось примерно следующее: *«Глуп тот, кто не видит чуда Евросоюза, глуп тот, кто не восхищается тем, как совершенно разные, воевавшие друг с другом страны объединились практически в одно государство, в котором одна валюта, в котором нет таможенных и прочих барьеров, нет границ, и только Россия, которая всегда создавала неудобства всему миру, и которая продолжает своими мелкими и крупными провокациями пугать весь мир, только Россия не может понять, как это прекрасно — быть в составе Евросоюза»*. И Болонский процесс —

один из тех аспектов, одна из тех планомерно реализуемых стратегий, которая создаёт единство образовательного пространства Европы. В этом контексте примечателен случай, когда около 1997 года я молодым учёным ездил во Францию и выступал в Тулузе на конференции, которая называлась «За европейскую валюту». На этой конференции, где речь шла о предстоящем введении евро, я рассказывал слушателям о связи России и Европы, после чего вице-мэр Тулузы подошёл ко мне и заявил: «Вы — страна преступников, страна бандитов, с вами нельзя иметь ничего общего, с вами нельзя иметь никаких дел». В случае с Болонским процессом мы попытались доказать, что это не так, что с нами можно иметь дело, у нас есть общие интересы. Причём пытались сделать это по формуле «Ну возьмите меня!», подобно одной эстрадной актрисе, которая читала монолог: «Возьми меня!»

Мы приходили в Европу и говорили: «Ну, возьмите нас, пожалуйста, хотя бы в каком-нибудь качестве, ну чуть-чуть!» Мы вступали в ВТО — тогда мы вступали куда угодно — и вступили в Болонский процесс. Датой своего отсчёта Болонский процесс имеет 1988 год, когда не было ещё никакой единой Европы, но на конференции университетов в Болонье в Италии была принята «Magna Charta Universitatum», Великая хартия университетов. 19 июня 1999 года, снова в Болонье, был подписан новый документ — совместное заявление европейских министров образования, получившее название «Зона европейского высшего образования». Этот документ стал отправной точкой того, что называется современным Болонским процессом интеграции образовательных систем Евросоюза. 29 министров подписали этот документ от имени 29 государств. Я специально просматривал список подписантов, надеясь найти в нём имя хотя бы одного значимого европейского интеллектуала, но не нашёл. Этот документ кардинального значения, выстраивающий стратегию евроинтеграции в образовании, был подписан чиновниками. То есть никто не спрашивал ни ректоров университетов, ни известных учёных, предположим, Умберто Эко: «Скажите, а как лучше было бы изменить европейскую систему образования?»

Но дело было сделано, документ подписан. Затем его подписали ещё несколько стран, и в 2003 году Болонское соглашение подписала Россия. К 2004 году Болонский процесс объединил уже 40 европейских стран, в число которых вошли не только страны Евросоюза, но и значительная часть стран Восточной Европы: Хорватия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Турция; вошла Великобритания, которая сегодня декларирует свой выход из Евросоюза; вошли Сербия, Черногория, Россия.

Особое значение придавалось тому, что в Болонское соглашение интегрируется Восточная Европа. «Европа знаний» — так декларирует этот документ современную Европу. *«Европа знаний» теперь уже широко признана как незаменимый фактор социального и гуманитарного развития, а также как необходимый компонент объединения и обогащения европейского гражданства, способного к предоставлению его гражданам необходимых сведений для противостояния вызовам нового тысячелетия одновременно с пониманием общности ценностей и принадлежности к общему социальному и культурному пространству».* Документ написан примерно в той же риторике, в какой писались речи Леонида Ильича Брежнева на пленумах ЦК КПСС, то есть там все слова были «очень хорошие», «очень важные», «очень весомые». Современная Европа держится на риторике, на умении проговаривать какие-то смыслы — как права человека — даже если эти смыслы не работают, но умение долго и красочно говорить об этих смыслах, принимать разнообразные декларации — это особенность Европы.

В чём же была необходимость этой образовательной интеграции? Прежде всего, в том, что наличие различных образовательных систем как в капиталистических странах, так и в тех, что недавно вышли из социалистического лагеря, не позволяло осуществлять взаимную апробацию научных специальностей. То есть эквиваленция дипломов, учёных степеней, уровней подготовки нужна была для того, чтобы у их обладателей была возможность использовать свои

профессиональные компетенции в других странах. Например, подготовили стоматолога в Швеции, но может ли этот стоматолог работать со своим шведским дипломом во Франции? Или защитил человек PhD в Сербии, но действителен ли этот PhD во Франции, может ли человек поступить на работу профессором в университет, или ему необходимо снова проходить какую-то валидацию своих знаний? Таким образом, возникает система взаимозачётов этих дипломов, а для этого — некоей унификации образовательных стратегий. Если мы вспомним уровни подготовки, существовавшие в нашей стране до 2000 года, то у нас не было разделения на бакалавра и магистра — готовили специалистов, обучали их в течение пяти лет, после чего человек мог поступить в аспирантуру. Аспирантура была уже не уровнем обучения, а поствузовским образованием, то есть человек повышал свою научную квалификацию до степени кандидата наук, далее следовала докторантура или возможность самостоятельной подготовки докторской диссертации. Эта двухступенчатость послевузовской системы образования не везде имела свою эквиваленцию, но была похожа на ту, что есть Франции, потому что после PhD там существовала система «agregation». То есть для того, чтобы стать полноценным профессором, человек с докторской степенью должен был подготовить ещё одну большую работу и получить степень «docteur d'Etat» — государственный доктор. Похожая система была и в Германии. Но так обстояло дело далеко не во всех странах. Эта разница образовательных уровней потребовала составить эквиваленцию образования во всех странах, вошедших в болонское образовательное пространство. Кроме того, в некоторых странах эти общепринятые уровни образования до сих пор называются по-другому. Например, если мы возьмём уровень бакалавра — первую ступень высшего образования: во Франции до сих пор бакалавром называется человек, закончивший среднюю школу, получивший полное среднее образование. Бакалавриат (от *фр.* Baccalauréat) — это окончание последнего класса гимназии, а то, что теперь у нас называется бакалавром, во Франции называется ли-

санс (от *фр.* Licence). То есть, несмотря на наличие тех же ступеней, существует определённая специфика их наименования.

Вступление России в Болонский процесс предполагало переход на эту двухступенчатую систему высшего образования — деление специалитета на бакалавриат и магистратуру, а также включение аспирантуры в образовательную стратегию в качестве третьего уровня образования. То есть по «Закону об образовании», принятому в 2012 году, аспирантура в России стала третьим уровнем образования. Сегодня аспирантура также предполагает учебные занятия, и, как это предусмотрено Болонской системой, определённую систему кредитов. Каждый уровень обучения включает в себя определённое количество кредитов, которые высчитываются согласно Европейской системе перезачёта «зачётных единиц трудоёмкости». Зачётная единица трудоёмкости условно приравнивается к 36 часам аудиторных занятий с продолжительностью 45 минут, как в большинстве стран. То есть для того, чтобы получить один кредит, человек должен прослушать курс протяжённостью 36 учебных часов. Но поскольку Болонская система предполагает ещё и не меньшего объёма самостоятельную работу, то это два кредита (36 часов самостоятельной работы добавляются к 36 часам аудиторной). Однако эти измерения условны, потому что один курс такой продолжительности может стоить два кредита, но если же этот курс будет прочитан известным учёным или будет засчитан как курс повышенной сложности, то он уже будет стоить шесть кредитов. Однако никто не в состоянии объяснить, почему именно такая разница в количестве кредитов. Таким образом, можно посчитать, сколько курсов нужно прослушать, чтобы получить образование аспиранта. 180 кредитов делим на два, получаем 90. 90 курсов, на каждый из которых нужно потратить 72 часа. Нетрудно посчитать, что при такой загруженности аспиранту придётся практически весь свой день тратить на учёбу. На философском факультете МГУ нам пришлось выйти из ситуации следующим образом: на учебные занятия мы отвели 30 кредитов, то есть аспиранты должны прослушать 15 курсов, а осталь-

ные 150 распределили между научной и педагогической практикой и государственной итоговой аттестацией. Но что означают, допустим, 80 кредитов применительно к педагогической практике или 60 кредитов применительно к научной практике, я не могу сказать. Почему именно 80? Почему это требует именно таких трудозатрат, такой трудоёмкости? Более того, если эти 180 кредитов, необходимых для получения образовательной степени, ещё могут быть применимы к образованию бакалавра, то для третьего уровня обучения, где аспирант должен больше заниматься научной деятельностью, а не набором кредитов за прослушанные учебные курсы, оказываются полнейшей бессмыслицей.

Для чего нужна эта система кредитов? Например, для того, чтобы бакалавр, магистр или аспирант мог отправиться на обучение в другие страны, чтобы осуществлялась система академической мобильности. Обучающийся не должен сидеть на месте: если ему не повезло, и он родился в какой-нибудь отсталой стране, он должен скорее уезжать из неё в передовые, продвинутые страны, чтобы учиться там. Хотя бы семестр он должен пожить как человек, должен увидеть настоящую Европу, соприкоснуться с подлинным миром ценностей. Мы за то, чтобы люди ездили, путешествовали, развивались. Но где деньги? На какие средства будут ездить эти студенты? Это первый вопрос. Значит, это предполагает создание мощной системы грантовой поддержки студентов и аспирантов. Наши студенты в редком случае выезжают в наши партнёрские университеты, лишь когда те находят возможность предоставить им стипендии. Но это значит, что мы тоже должны принимать студентов из Франции, селить их бесплатно в нашем общежитии и платить им нашу стипендию, которая составляет около 1500 рублей в месяц. Конечно, французский студент проживёт в Москве на эти деньги, особенно с тем низким уровнем потребностей, которые есть у французского студента. Но это идеальная ситуация. Французский университет находит стипендию на нашего студента, порядка 800 евро, мы находим 1500 рублей на французского

студента. Но когда действительно встаёт вопрос о том, чтобы принять у нас иностранных студентов, сразу возникает вопрос: где деньги? Где деньги на оплату общежития, на стипендию? Потому что это тоже расходы университета. Естественно, это расходы из внебюджетных средств, потому что никакой бюджет не выделяет нам эти деньги. В результате получается, что мы «за» академическую мобильность, но при этом у нас нет никаких средств на осуществление этой академической мобильности. Второй момент: система образования в России в достаточной степени стандартизирована. То есть начиная с 2000 года в силу вступили государственные федеральные стандарты — сначала первого поколения, потом второго, третьего, а в скором времени в силу вступят стандарты три плюс. Лично мне это напоминает название модификаций айфона. «У Вас какой айфон, 6 или 6+?» Прошло уже 16 лет этого тысячелетия, в отличие от айфонов, мы пока не дошли до седьмого уровня, но до 3+ уже поднимаемся, причём нас уверяют, что 4 не будет, будет только 3+. Что такое государственные стандарты? Это очень жёсткие механизмы формирования учебных планов и не только. Учебный план написать можно и даже нужно. Тот, кто читает университетский курс без плана, плохой преподаватель. Тот, кто приходит в аудиторию, не зная, о чём будет рассказывать студентам, не имеет права преподавать. Преподаватель должен сначала написать план, а потом идти читать спецкурс — это совершенно нормально. Но в стандартах есть такие элементы, как компетенции, причём они делятся на три группы: универсальные, общекультурные и профессиональные — УК, ОК и ПК. Эти аббревиатуры вызывают символические ассоциации. УК — это общеизвестная аббревиатура, но здесь она означает всего-навсего «универсальные компетенции». Эти компетенции должны быть прописаны по отношению к каждой специализации и к каждому направлению. Например, наше направление называется «Философия, этика, религиоведение». Министерство решило, что нужно объединить эти три специальности в одно направление. Одинаковые ли это науки, одинаковые ли это дисциплины? Религиоведы кате-

горически не согласны считать себя философами. Они говорят: *«Мы не философы, это, может быть, специалисты по этике — философы. А мы религиоведы, у нас есть полевые практики. Мы выезжаем в поле, исследуем фольклор. Мы ближе к антропологам, историкам. Какие мы философы?»* Религиоведы не хотят считать себя философами. Этики — вообще непонятно кто, их ещё просто нет, потому что таких кафедр, центров очень мало. Нет ни одной кафедры, которая выпускала бы специалистов по прикладной этике. У нас на факультете есть кафедра этики. Но что такое «прикладная этика»? Это биоэтика, например, принятие решений в медицине. Можно ли у человека взять кусочек ткани или крови для того, чтобы куда-то поместить? Прикладная этика задаётся такими вопросами. Очевидно, что это тоже не совсем философия, а особый образ знаний. Но как мы будем выдавать дипломы? «Это зависит от компетенций», — говорят нам. Очень может быть, что и диплом будет общий. Тогда в дипломе будет написано: специалист по философии, этике, религиоведению. Это нельзя исключать. Нам говорят: «Раз у вас одно направление, зачем же нужна специализация? Особенно на уровне бакалавра». То есть когда мы говорим о том, что такое бакалавр в Болонской системе, то мы чётко можем сказать, что это человек, который научен непонятно чему. Это человек, который просто продолжает просиживать штаны в высшей школе. Если идти до логического предела, можно выдавать диплом, в котором написано просто — «бакалавр». Причём без указания: философ, историк, математик, физик. Может быть, бакалавр естественных наук, бакалавр гуманитарных наук. Собственно говоря, по такой линии идут в некоторых университетах Великобритании. Почему? Потому что сегодня образование становится массовой вещью — не только в России, но и в мире. Школа через ЕГЭ ориентирована на то, чтобы все выпускники, сдавшие ЕГЭ, попытались поступить в вуз. И 90% выпускников школ России идёт в вузы. В какие — совершенно не важно. На бюджет или на платное — тоже в данном случае не важно. Они идут в вуз, получают первую ступень высшего образования. В связи с этим появилась

необходимость ввести такое понятие, как массовый вуз, то есть вуз, где можно легко и без труда получить степень бакалавра. Например, в современной Европе много мигрантов, они плохо ассимилируются, за последние два года прибыло огромное количество беженцев из Сирии, Ливии и из других стран. Им всем надо давать вид на жительство, а впоследствии и гражданство. А значит, они захотят учиться, придут в вузы, толком не зная языка. Надо дать им возможность получить вузовский диплом без особого труда. Диплом «бакалавра вообще», бакалавра как такового. «Пусть получают его за три года и идут, куда хотят», — так рассуждают в Европе. Мы пошли по тому же пути. Если у нас массовое образование, если все идет в вузы, а не, допустим, 10% выпускников школ, как в Китае, то давайте адаптируем вузы, понизим планку, сделаем это бакалаврское образование доступным, простым, элементарным. Что для этого нужно сделать? Уничтожить специализацию, закрыть кафедры. Московский университет — это университет германского типа, он создавался по лекалам, вычерченным Лейбницем. Ломоносов и Шувалов, создатели Московского университета, ориентировались именно на германские университеты. Это университет, в котором основной ячейкой, образовательной и научной, является кафедра, где создаётся научная школа, а руководителем является авторитетный профессор, у которого есть ученики, как в средневековых цехах. Это подмастерья, которые идут к мастеру, обучающему их своей профессии, своей узкой специализации.

Узкая специализация не нужна, бакалавр — это предельно широкое образование. «Давайте закроем кафедры, давайте их упраздним», — так рассуждают государственные чиновники. И это успешно делается. К примеру, в Балтийском федеральном университете в Калининграде гуманитарные факультеты слиты в Институт гуманитарных наук, а кафедры уничтожены. В декабре я пришёл на бывшую кафедру философии БФУ и спросил: «А что у вас теперь здесь?» Сотрудник говорит мне: «Теперь здесь преподавательская. Преподаватели кафедры философии приходят сюда пить чай».

Я общался с преподавателями, с профессорами и не могу сказать, что все они в восторге от такого решения. Во-первых, это уничтожает сообщество, круг общения, коллектив. Для нас, русских, очень важное понятие — трудовой коллектив, то место, где мы работаем, люди, с которыми мы ежедневно общаемся. Мы знаем этих людей, нам известны их жизненные успехи и неудачи, известно многое из их частной жизни. «Нет, всего этого не нужно, кафедры должны быть уничтожены», — говорят чиновники. Но, может быть, кафедры ещё пригодятся в магистратуре и аспирантуре, где есть минимальная специализация. У себя на факультете я перестал читать спецкурсы, я больше не читаю спецкурсы по своей профессиональной дисциплине просто потому, что в сетке обучения бакалавра стоит один спецкурс в семестр. Только на четвёртом курсе, перед выпуском, спецкурсу отведено немного больше времени, и это при том, что Московский университет и Петербургский университет обладают правом формировать свои собственные учебные планы, но и они должны быть построены по стандартам «не ниже федеральных». То есть мы можем читать спецкурсы, называя их факультативами. Но, во-первых, факультатив — это необязательный предмет, студент может на него ходить, а может не ходить, может сдавать зачёт по этому курсу, а может не сдавать — его никто не обязывает слушать эти курсы. Я уже ощущаю на себе реальные последствия такой профессиональной «дисквалификации». И это в Московском университете, где положение несколько лучше, чем в других вузах.

Вернёмся к Болонской системе. Нас призывают к тому, чтобы наши студенты осуществляли академическую мобильность, ездили в другие страны, привозили кредит-часы из европейских университетов, и при этом требуют, чтобы студент прослушал определённые курсы, которые содержатся в нашем федеральном стандарте, в нашем учебном плане. Студент не может заменить эти курсы другими, потому что иначе он не сформирует определённые профессиональные компетенции, которые прописаны в учебных планах. О какой академической мобильности может идти речь? В данном случае, как руководи-

тель аспирантуры, я говорю аспиранту: «Вы хотите ехать во Францию, в Германию? Отчисляйтесь. Потом, когда вернётесь со стажировки, мы снова Вас зачислим на бюджетное место». У нас есть такая возможность, потому что у нас в аспирантуре всегда есть запас бюджетных мест, их достаточно много. Представим, что их сократят в три раза. Тогда мы не сможем никого восстановить. Нередко человек действительно едет в Европу, стажировается и там остаётся, не возвращается в Россию. Стажировка превращается в постдок — написание PhD. В конце концов человек оседает где-нибудь в Германии или во Франции. Иногда люди возвращаются, восстанавливаются. Но при нашей жёсткой системе стандартов, которой нет нигде в мире, возможна ли вообще хоть какая-то академическая мобильность? В Америке, в Германии стандарты носят рамочный характер, то есть они задают самые общие параметры образования, а федеральные земли в Германии или штаты в Америке сами наполняют эти рамки своими курсами, своими требованиями, и это разумно. Потому что образование — вещь очень локальная и очень специальная. В. В. Миронов, декан философского факультета МГУ, часто проводит сравнение образования с французским сыром или с французским вином. Давайте скажем, что французского вина быть не должно, а должно быть вино общеевропейское — евростандарт. Соберём виноматериалы из Испании, Франции, Венгрии, Болгарии, смешаем их все в одной бочке и потом по цвету определим: это красное «евровино», это белое «евровино». Французы первые скажут: «Ну что вы, у нас шато, у нас многовековая культура виноделия, уникальные виноградники». Однако с сыром камамбер в Европе уже произошла похожая история. Сейчас ни в одной стране, кроме Франции, нельзя купить настоящий камамбер, он делается только из непастеризованного молока. Однако в соответствии с евростандартами сыры могут производиться только из пастеризованного молока. То есть Франция может продавать свой камамбер в других странах Евросоюза, но он должен быть сделан из пастеризованного молока. Примерно то же самое происходит и в образовании, когда вводятся

универсальные, общеевропейские стандарты. Фактически, согласно Болонской системе, неважно, чему человек учится, главное, чтобы он набрал 180 кредитов. И неважно, сколько человек учится, потому что один из важнейших принципов Болонской системы — продолжающееся образование. То есть учиться на бакалавриате можно не три года, а шесть, десять лет или до самой старости, а когда студент наберёт 180 кредитов, он сможет прийти и получить диплом. Диплом чего? Это уже не столь важно. Последний университет, в который студент придёт, и должен будет выдать ему диплом. То есть, теоретически, может получиться так, что выпускник Московского университета ни месяца не проучился в Московском университете. Он все четыре года гастролировал по европейским университетам, в конце концов приехал к нам и сказал: «Вы же европейский университет, вы же подписались под Болонским договором, дайте мне диплом Московского университета! Вот вам мои справки о сданных кредит-часах». И не только Московский университет, но и любой другой университет может оказаться в таком положении. Университет теперь не центр научных школ, а дистрибьютор, оказывающий образовательные услуги, структура, выписывающая диплом. Можно себе представить, что было бы в Московском университете, если бы такие стандарты образования были в советскую эпоху. Но самое поразительное, что в конце советской эпохи, когда министром высшего и средне-специального образования СССР был Г. А. Ягодин, стандарты отменили вообще. Если бы тогда существовали нынешние универсальные стандарты, наверное, не было бы Московской и Ленинградской школ логиков, не было бы Московской и Ленинградской школ математиков, лингвистов, юристов... Московская школа философии права — Евгений Николаевич Трубецкой, Павел Иванович Новгородцев, Иван Александрович Ильин — и Петербургская школа философии права — Лев Иосифович Петражицкий — враждовали между собой. Это абсолютно нормально, ведь в каждом университете должна быть своя специализация и своё отношение к предмету.

То, что сама идея академической мобильности провалилась, я могу сказать со всей ответственностью, как руководитель аспирантуры, потому что я ещё не смог послать ни одного аспиранта в европейский университет по программе академической мобильности, которую предусматривают Болонские соглашения. Как только мы заводим об этом речь, сразу возникает вопрос о том, что это надо согласовывать на уровне ректоратов университетов. Но что такое ректорат любого университета? Это административная структура, которая решает свои собственные задачи и работает по принципу «мы никого не трогаем — нас никто не трогает». Во всяком случае, способствовать делу рационального улучшения образования — не главная задача ректората.

Единый государственный экзамен (ЕГЭ) — тоже часть Болонского процесса, потому что это условие входа человека в систему высшего образования, то, на основе чего мы принимаем в вуз. Та система, которая сложилась в советской и постсоветской России, была объявлена однозначно коррупционной. Однако если она была столь коррупционной, как это принято сейчас считать, то как же получалось, что на философском факультете МГУ 60% студентов были иногородними? Люди приезжали в Москву и сами поступали в университет. Я сам поступал в МГУ в 1985 году и могу абсолютно ответственно говорить о том, что поступил благодаря тому, что сдал 4 вступительных экзамена. Да, ценз для школьников был выше, чем для «стажников» и «армейцев». Человеку, который отслужил в армии или проработал два года на предприятии, давались льготы при поступлении. И это было абсолютно нормально. Я хорошо сдал экзамены, меня приняли в Университет, и мои родители ни копейки не потратили на моё образование: у меня не было репетиторов, всё своё образование я получал бесплатно. Сейчас возникает другая ситуация: мы отказываемся от «коррупционной системы» и вводим систему ЕГЭ — Единого государственного экзамена. Фактически мы опускаем этот уровень коррупции из высшей школы в среднюю. И действительно, в последние годы в некоторых южных республиках

РФ мы очень часто получали стопроцентную успеваемость по русскому языку по результатам ЕГЭ. Мы вообще имеем огромное количество стобалльников по русскому языку и литературе. Поразительно, но эти стобалльники зачастую не умеют даже грамотно писать по-русски. Кроме того, к региональным властям иногда предъявляют требование — повысить результаты сдачи ЕГЭ, и губернатор отчитывается перед вышестоящими властями: «У нас и коровы стали лучше доиться, и средний балл по ЕГЭ стал выше». Если средний балл станет ниже, то губернатора могут отправить в отставку, поэтому балл должен расти. А если он должен расти, значит, он будет расти. Но дело не только в том, что мы потеряли качественное среднее образование в школах. Мы потеряли наших школьников, которые в 10 – 11 классах, вместо того, чтобы учиться, готовятся к ЕГЭ, бегают по репетиторам. Если в школе не готовят к ЕГЭ, значит, школьникам надо найти специально обученных людей, которые своей профессией сделали подготовку к ЕГЭ. Многие мои аспиранты не заканчивают аспирантуру, уходят не защитившими диссертацию, потому что они уже выбрали себе профессию — репетитор по общественности. Они достойно зарабатывают, обеспечивают свою жизнь, ни у кого не воруют, но они занимаются тем, что «натаскивают» школьников на сдачу ЕГЭ.

Практически нигде система ЕГЭ не существует в таком виде, в каком она существует в России. Есть две страны, где есть нечто похожее — это Китай и Египет. Нигде нет в чистом виде системы, где единственным условием поступления в вуз были бы баллы каких-то работ, написанных при выпуске из средней школы. В чистом виде у нас это тоже не работает, потому что элитные вузы вводят дополнительные экзамены. Система олимпиад — это система, по сути, уничтожающая и упраздняющая ЕГЭ, потому что, если человек успешно написал олимпиаду первого уровня, он получает преференции на вступительном экзамене по этому предмету. Это может быть сто баллов за ЕГЭ или сто баллов за вступительный экзамен в университете. Между прочим, здесь тоже возможен коррупционный шлейф, но сей-

час мы это опустим. Возьмём ЕГЭ как идеальную модель. Всем хорошо известно, что из себя представляет тест по литературе. «В каком чепце была Татьяна?» Какого цвета этот чепец — в «Евгении Онегине»? Какая разница, какого цвета был этот чепец, если школьник не может вычитывать в литературе нравственный смысл, если он не может обсуждать художественный текст, понимать, где там добро и зло, где модель и антимодель? Какая разница, сколько колёс было у брички или какое колесо, правое или левое, сломалось у Чичикова? Однако предположим, что мы откажемся от ЕГЭ, но ведь ЕГЭ было введено в связке с такой вещью, как государственные именные финансовые обязательства (ГИФО). Их смысл состоит в том, что в зависимости от того, как школьник сдаёт ЕГЭ, он может получить определённое финансирование от государства, определённый бонус в виде денег на оплату своего высшего образования. У ГИФО шесть уровней — шесть разных сумм в зависимости от уровня успеваемости. Первый уровень, то есть максимальное финансирование, которое государство ввело в 2002 году, составляет 14900 рублей. Уже тогда платное образование в хороших вузах стоило не меньше 60 — 70 тысяч рублей в год. Сейчас, для справки, образование в Московском университете стоит 320 000 в год, и это не произвольная цифра, а бюджет Московского университета, прописанный отдельной строкой в бюджете РФ и поделённый на количество студентов, обучающихся в Московском университете за счёт бюджета. Эта сумма очень просто высчитывается, и за последнее время она несколько уменьшилась после того, как в Государственной Думе урезали бюджет Московского университета. Предположим, что образование стоит 60 000 рублей, ГИФО — 14900 рублей. Что в такой ситуации должен делать отличник, чтобы учиться в вузе? Он должен доплачивать три четверти стоимости обучения из собственного кармана. Для этого ему ещё надо приехать в Москву, на что-то жить, как-то себя кормить. Эта система была настолько абсурдна, не продумана, иррациональна и никак не обеспечена, что сразу же провалилась; она просто не стала работать. Это был механизм, состоящий из двух кры-

льев — ЕГЭ и ГИФО, который был изобретён сразу после вхождения в Болонскую систему. Одно крыло отмерло сразу, так зачем оставили другое? По всей видимости, затем, что на введение ЕГЭ в российских школах были выделены огромные деньги, на этот проект были потрачены миллиарды рублей, и чиновники, выделявшие эти деньги, могли оказаться несостоятельными, лишиться работы, и им надо было доказывать — и они доказывают до сегодняшнего дня — что «всё хорошо». Директор одного из ведущих институтов Высшей школы экономики недавно мне сказал: «Мне нравится ЕГЭ, у меня нет никаких проблем в отборе студентов через ЕГЭ». Но нужно понимать, что Высшая школа экономики — вуз, которому позволено то, что не позволено ни одному другому вузу России, в том числе и Московскому университету. Приведу для примера следующую ситуацию. Предположим, что университет зачисляет 100 абитуриентов на бюджетные места. Сколько из них заканчивает обучение? 25, потому что остальные отчисляются, не выдерживая учебной нагрузки. Если студент не сдал сессию, его могут перевести с бюджетного места на платное. Если он поступил на платное место по льготе, но плохо сдал сессию, то в следующем семестре он будет оплачивать полную сумму. Если студент не сдал какой-то курс, а за три несданных курса грозит отчисление — это правило, общее для всех вузов — то Высшая школа экономики может взять студента на повторное индивидуальное обучение по данному курсу за определённую плату. То есть человек платит за этот курс, чтобы получить право повторно его сдать. Это уникальная ситуация, такого нет ни в одном другом вузе страны. В обычном вузе, если студент успешно осваивает программу в течение двух или четырёх семестров и по его специальности есть свободные бюджетные места, его могут перевести с платной формы обучения на бюджетную. В этом году на философском факультете МГУ мы перевели 5 человек с платного обучения на бюджетное. Это невыгодно для университета, он теряет деньги, но это предписано федеральной нормой, и мы неукоснительно этому следуем. Обратного перевода, с бюджетного обучения на платное, у

нас не существует. В Высшей школе экономики существует всё, потому что она была задумана как элитный вуз.

Нужно признать, что сегодня в России существует негласное разделение вузов на массовые и элитные, хотя бы потому, что не все специальности перешли на болонскую двухступенчатую систему. Специалитет остался, например, в медицине. Медицинские вузы не выпускают бакалавров, это показатель элитного образования. У психологов в Московском университете остался специалитет, они не перешли на бакалавриат и магистратуру, потому что их модель воспроизводит модель медицинского образования. Что касается образования политической элиты, то мы должны либо отправлять детей наших высокопоставленных чиновников учиться в элитные университеты на Запад, либо создавать элитные университеты у себя. И сегодня Высшая школа экономики претендует на роль такого элитного университета, перенимая некоторые западные принципы обучения, например, переводя часть курсов ГИА на английский язык. Студенты ВШЭ должны либо защищать диплом на английском языке, либо написать резюме своего диплома на английском языке. Для них выставляется высокий ценз перевода на следующий уровень, даже на следующий курс обучения. В то же время ряд ведущих университетов сегодня превращается в массовые. МГУ здесь занимает промежуточное положение. Во-первых, потому, что в МГУ существует масса факультетов, более 40, и среди них есть факультеты более элитные и менее элитные. Соответственно, поступить на элитные факультеты значительно сложнее, и диплом этих факультетов — то, что в перспективе будет цениться выше, например, диплом факультета госуправления или факультета искусств. Я не знаю, по какой линии развития Университет пойдёт дальше, но я не хотел бы, чтобы Московский университет превращался в массовый университет, тем более что федеральные нормы дают возможность Университету для создания своих учебных планов и стандартов, а теперь и своих диссертационных советов. С 1 сентября 2017 года МГУ выходит из системы ВАК и начинает защищать собственные диссертации, кан-

дидатские и докторские. Это очень большая привилегия, которая даётся Московскому университету. Но при этом наши образовательные стандарты, которые должны быть не ниже федеральных, по сути, копируют федеральные стандарты. Они копируют их по жёсткости, неподвижности, по тому, что только 5 или 10% учебного плана может устанавливать вуз, остальное — компоненты стандартов. Но университет пытается быть более самостоятельным. Например, ректор придумал МФК — межфакультетские курсы, чтобы в среду, после трёх часов, студенты могли прослушать два курса на других факультетах. Популярность этих курсов в университете подтверждает, что это был правильный ход. Студенты с удовольствием ходят слушать лекции профессоров не своих факультетов, выбирая самые разные курсы. Но это всё полумера, паллиатив. Общество таково, что даже если мы всех уравниваем, то через какое-то время в нём самопроизвольно сформируется новая элита — об этом Н. Бердяев пишет в «Философии неравенства». Если это будет не аристократическая элита, если это будет не элита духа и культуры, то это будет элита денежного мешка, элита кшатриев или какая-либо иная. Эта элита всегда будет формировать образование под себя, поэтому элитные образовательные учреждения будут существовать всегда. Но вопрос о том, что делать с массовым образованием, с массовыми университетами, насколько можно опустить планку этих университетов. Во времена моего детства расхожей угрозой школьнику — я учился во французской спецшколе — было «в ПТУ отправим». Теперь школьнику можно сказать: «Не будешь хорошо учиться, пойдёшь в массовый университет». Это звучит смешно, потому что и там должно быть минимальное качество образования, и не на бумаге, в учебных планах, а в реальности. И здесь, конечно, возникает больше вопросов, чем ответов, и пока эти ответы не найдены. Болонский процесс и евроинтеграция не помогли нам найти эти ответы, и, как говорит декан философского факультета МГУ Владимир Васильевич Миронов в одном из своих интервью: «За всем стоит глобальный министр образования». Болонский процесс возник для того,

чтобы сформировать единое образовательное пространство Европы. Это не глобальный, а континентальный проект, европейская система образования должна конкурировать с американской. Иногда у меня возникает ощущение, что Европа нарочно стремится к тому, чтобы подорвать те основания, на которых она зиждется.

Реальность такова, что есть вузы элитные и есть вузы массовые. Так, ректор МГУ Виктор Антонович Садовничий говорил, что число обучающихся в Московском университете должно достигнуть ста тысяч. Но это означало, что Московский университет, ведущий университет страны, должен превратиться в массовый вуз. Впоследствии от этой идеи отказались, было принято решение идти по «срединному пути», чрезмерно не увеличивая набор, однако и сейчас в Московском университете есть специальности, имеющие мало отношения к университетскому образованию. МГУ всё-таки остался элитным вузом, на который принципы Болонской системы не распространяются в полной мере. В Европе мы тоже можем видеть похожую ситуацию. Ведущие вузы Германии или Великобритании отнюдь не стремятся спешно внедрить те модели, о которых гласит Болонское соглашение и связанные с ним документы. Любопытно, что когда мы только входили в Болонский процесс, риски, связанные с ним, прекрасно понимали наши руководители. Министром образования тогда был Владимир Михайлович Филиппов, нынешний ректор Российского университета Дружбы народов, и я могу процитировать его выступление на международной конференции в Санкт-Петербурге в декабре 2002 года. Владимир Михайлович говорил: *«Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но я должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс вузы в большей степени потеряют. Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем: когда сейчас уже больше 30 государств подписали Болонскую декларацию, а на определённом этапе они подпишут программу о зачётных единицах и образовании друг с другом, Россия не может оказаться вне этого круга»*. Из слов Филиппова можно заключить, что

над нами висит дамоклов меч, какая-то довлеющая необходимость. Мы должны быть как все, мы должны «их» догнать. В начале 2000-х годов у России была чёткая стратегия на интеграцию всюду, куда только можно, и Болонский процесс — прекрасная иллюстрация того, что мы натворили в начале 2000-х годов. «Да, пускай нам будет хуже, но во имя высших ценностей и высших смыслов, во имя мифического единства, универсальности Европы мы всё-таки подпишем, мы вступим, мы войдём», — такой была наша логика.

Ещё одно обстоятельство, которое нельзя обойти стороной, когда заходит речь об отечественной науке, об отечественном образовании — это измерение науки, оценка труда учёного. Вуз — это место, где учёные занимаются научной деятельностью, где они не только преподают, но и излагают студентам результаты своей научной работы. Такова была философия средневекового университета. Жак Ле Гофф писал, что средневековый университет — это место, где учёные рассказывали студентам свои мысли, а не излагали им общепринятое и общеизвестное. Что сегодня рассказывают учёные студентам в университете? Чужие учебники? Статьи из Википедии? Много раз студенты подлавливали нерадивых профессоров во время лекции, когда находили в поисковике источник, по которому читает лекцию профессор. Но в этом ли задача профессора в университете — рассказывать Википедию? Давать стандартизированное шаблонное знание? Конечно, институт должен быть научно-исследовательским, и мы классифицировали наши университеты — хорошо это или плохо — другой вопрос — у нас есть федеральные университеты, НИУ — научно-исследовательские университеты, и в зависимости от своего статуса вузы получают разное финансирование. Но разве какой-нибудь университет, который не стал НИУ, а скромно остался государственным, должен прозябать в нищете, а его преподаватели должны получать свои жалкие 11 000 рублей? Именно такова сегодня средняя зарплата доцента в университетах России. Но это другой вопрос. Преподаватель в элитном университете, в федеральном уни-

верситете, Московском или Петербургском университетах, которые стоят отдельной строкой, в научно-исследовательских университетах должен заниматься научной деятельностью. Как можно оценивать научную деятельность учёного, фиксировать, занимается учёный наукой или не занимается, на основании чего мы можем это выяснить? Сейчас в России повсеместно насаждается идея о том, что это можно определить на основании статистики, математических данных. Надо замерить среднюю эффективность труда учёного, подобно тому, как мы можем замерить температуру воды в ванной. Для этого был создан Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://elibrary.ru> — первая наукометрическая база в России. Когда-то люди, впоследствии организовавшие РИНЦ, получили грант на сканирование и размещение в сети Интернет произведений русской литературы. Но получив его, они решили, что им было бы интересно заняться наукометрией, и не стали тратить грант на литературу, а создали наукометрическую базу и стали заключать индивидуальные договоры с университетами. Если университет хочет, чтобы ему немного подняли научные показатели, пусть платит. За счёт этого РИНЦ как частное предприятие живёт и существует и по сегодняшний день.

Притчей во языцех в научной среде стал так называемый индекс Хирша (h-индекс), основанный на количестве публикаций и количестве цитирований этих публикаций. Сегодня по нему оценивают учёного и решают, стоит ли его приглашать преподавать в университет. В сети Интернет большую популярность получил видеоролик на мотив индийского фильма — «Испытайте радость взаимного цитирования». Что такое Хирш, индекс Хирша? Из имени учёного он превратился в показатель того, сколько человека цитируют и в каких изданиях. Чтобы у учёного был большой индекс Хирша, его должны много цитировать в разных изданиях и разные люди — самоцитирования быть не должно — тогда у учёного растёт индекс Хирша. Причём этот индекс одинаково распространяется и на естественников, и на гуманитариев. Впрочем, РИНЦ предпочёл использовать не новомодный

индекс Хирша, а существующие с конца прошлого века западные базы цитирования — Web of Science и Scopus. Одна база принадлежит голландцам, издательскому дому «Elsevier», другая — американцам. Нетрудно понять, какие журналы входят в эти базы: в основной своей массе это западные англоязычные журналы. По философии в Web of Science числится один-единственный российский журнал — «Вопросы философии». Всего российских гуманитарных журналов в этих двух базах, Scopus и Web of Science, 21 или 22. Закономерно возникает вопрос: как можно требовать у такого огромного сообщества — в вузах России преподаёт примерно 350 000 человек, что может сравниться с численностью персонала «Почты России», «Сбербанка» или «РЖД» — валовой продукции в мировых наукометрических базах? Это означает, что сейчас мы должны немедленно начать печататься в американских или западноевропейских научных журналах. Но для этого нужно, во-первых, забыть свой собственный язык, научиться писать по-английски, а, во-вторых, научиться писать то, что нравится американцам или западноевропейцам. Например, если человек пишет статью по политическим наукам, он должен критиковать Россию, политику В. Путина и всячески прогибаться перед Западом. В результате на сегодняшний день в редколлегии мировых политологических журналов только 3 русских члена, из которых один — гражданин Соединённых Штатов, имеющий двойное гражданство. Это нонсенс. При этом нам говорят: «Критерии оценки — это публикации в высокорейтинговых журналах, в мировых журналах». За это дают бонусы, хорошие стимулирующие выплаты в ведущих университетах России, это становится условием заключения контрактов. Сейчас мы формируем новые диссертационные советы МГУ, куда может войти только тот учёный, доктор наук, у которого за последние пять лет есть хотя бы одна публикация в Scopus и Web of Science. Кроме того, за эти публикации даются гранты, гранты РФ — Российского научного фонда, мегагранты которого составляют 800 миллионов рублей, 90 миллионов рублей и 5 миллионов рублей. Чтобы университету получить даже небольшой

грант в 5 миллионов, руководитель должен иметь несколько публикаций в Scopus и Web of Science за последние 5 лет. Иногда этот грант в 5 миллионов является условием выживания в некоторых региональных университетах. Когда кафедра получает такой грант, например, в Благовещенске, в Амурском университете, это может хорошо поддерживать людей на протяжении трёх лет, давать им весомую прибавку к зарплате. Но это же российский научный фонд, национальный фонд? Причём здесь Scopus, Web of Science? Парадоксальнейшая ситуация. В 2014 году мы чётко поняли, что Европа поворачивается к нам спиной, уже не говорим про Соединённые Штаты. И мы продолжаем по инерции катиться по рельсам Болонского процесса, продолжаем оценку нашей научной деятельности по этим мировым индексам, мировым базам цитирования.

Хотя пионером наукометрии был русский учёный Василий Васильевич Налимов, который в 1959 году, работая во ВИНТИ — Всероссийском (тогда — Всесоюзном) институте научной и технической информации РАН, — в секторе оптики, стал говорить о научной и технической информации и её задачах в рамках кибернетики. Вместе с двумя соавторами он написал статью, в которой показал, что одной из задач кибернетики должен быть подсчёт интенсивности научных публикаций и предположительная динамика их роста. Надо сказать, что за человек был Налимов. О нём говорили, что он был самый цитируемый из советских учёных в 80-е — 90-е годы прошлого века в Европе. Налимов был участник мистико-анархического кружка Солоновича, кропоткинцев, которые собирались на Арбате в 20-е годы, были приверженцами древнего гностицизма и противниками советской большевистской системы, рассуждали о царстве Ялдабаофа, демиурга. За участие в этом кружке он был репрессирован, в 30-е годы провёл 6 лет в лагерях, затем был частично реабилитирован и в 1959 году написал в соавторстве первую наукометрическую статью, которую признают — в том числе и на Западе, — как основоположение наукометрии. Тогда ещё недалеко были сталинские времена, когда генетика

и кибернетика считались лженауками. За одно упоминание этих слов снова могли отправить в места не столь отдалённые, и авторов этой статьи тогда вызвали в партком Института и сказали: «Ну ладно Налимов, с него станется. Вы же члены КПСС! Как вы могли себе позволить написать такое?» В некотором смысле Партком в Советском Союзе выполнял пророческую роль, и мне хочется вслед за ним повторить: «Как вы могли себе позволить написать такое?» Потому что теперь я вижу то, что делает наукометрия. Она стала совершенно самостоятельной сферой знания. В Высшей школе экономики есть целая исследовательская группа, которая занимается наукометрией, у меня есть коллеги, которые этим занимаются — вычерчивают очень красивые диаграммы на карте мира, цветки из точек: здесь столько-то публикаций Scopus, здесь — Web of Science, красным — Web of Science, синим — Scopus. Выглядит божественно, это красота чистой науки.

Для того чтобы написать статью и опубликовать её в журнале Web of Science — например, у нас это «Вопросы философии», — половине времени надо потратить на информационное сопровождение своей работы, то есть необходимо оформить сноски. Не просто их оформить, как мы всегда это делали, но перевести на английский язык и транслитерировать русские сноски латинским алфавитом по определённой системе транслитерации. Надо написать резюме статьи так, как это пишется в наукометрических шаблонах: что ты открыл в этой статье, какие преследовал цели, какую новую концепцию выработал. Далее необходимо перевести это резюме на английский язык, написать ключевые слова по-русски и по-английски, перевести название статьи, и сейчас во многих журналах также требуется подробное резюме статьи на английском языке. Фактически в научном сообществе сейчас никто не интересуется, о чём написаны статьи учёного. Интересует, сколько у него статей в мировых базах — это первый вопрос, и второй — какой у него индекс Хирша. Скоро, встречая коллегу на факультете, учёные и преподаватели будут спрашивать у него не про то, в какой области науки он работает, а будут задавать вопрос об индексе Хирша. Причём если ещё

5 лет назад казалось, что всё это пока находится в горизонтах какой-то неосуществимой реальности, то с 2014 года — казалось бы, ключевой год в истории нашей страны — в указе президента РФ было обозначено, что Россия должна поднять долю своих публикаций в мировых наукометрических базах до 2,44%. Почему 2,44? Неужели удел российской науки в мировой науке — это 2,44%? При том что наши учёные заполняют силиконовые долины по всему миру, уезжают в Бразилию, чтобы заниматься проблемами атомной энергии. И наш удел — 2,44%? Мы сами, идя на это, играя в эту игру, показываем, что мы — отстающая страна третьего мира, которая не имеет ни развитой науки, ни развитого образования. Образование мы переводим на «компетентностные» рельсы: мы уродуем русский язык, потому что в русском языке нет слова «компетенции», есть слово «компетенция», которое обозначает, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлён. Но теперь современными специалистами по науке это слово трактуется по-другому, слова «аддитивный» и «синергетический» ещё цветочки. Компетенции в современных ФГОСах описываются как то, что нужно «знать», «уметь» и «владеть». Но это важно для среднего профессионально-технического образования. Ведь для сантехника важно, чтобы он умел держать гаечный ключ, и умел, например, шарошить. Но какие компетенции могут быть у философа, филолога, историка? Наши коллеги стали спасать философию, сочинили для этого одну профессиональную компетенцию, потому что универсальных и общекультурных компетенций недостаточно. Если у учёного нет своей профессиональной компетенции, то его направление обучения просто сотрут с лица земли. Итак, по направлению «Философия, этика, религиоведение» сочинили следующую компетенцию: «Вырабатывать навыки критического мышления, формирующие научное мировоззрение». То есть единственная профессиональная компетенция философа заключается в том, что он должен лоб об стенку разбить, молясь богу научного мировоззрения, богу науки, он должен поклониться тем, кто действительно занимается наукой — физикам, химикам и другим

естественникам. Но если бы этой компетенции не было, тогда просто не было бы направления — его бы просто стёрли с лица земли. Однако мало того, что есть направление. По требованиям министерства должен быть и профессиональный стандарт. В настоящее время ни у одной гуманитарной профессии в соответствующем реестре РФ нет профессионального стандарта. Это означает, что все гуманитарии: историки, философы, филологи, политологи и другие — дармоеды и тунеядцы. У них нет профессии, они не занимаются профессиональной деятельностью, потому что профессиональный стандарт гуманитария на сегодняшний день не только не прописан, но, по всей видимости, его и не собираются прописывать. А неотъемлемым требованием Болонского процесса является соответствие специальности профессиональному стандарту. Человек, который выходит из университета, должен по чётким параметрам обладать определёнными компетенциями. Причём совершенно не важно, какой он закончил университет — Белградский, Парижский, Лейденский, Лондонский — он должен обладать одинаковыми компетенциями, то есть, условно говоря, должен одинаково уметь держать гаечный ключ на 16. Это невероятный редукционизм, невероятное сведение многообразия всех типов и форм человеческой деятельности, интеллектуальной деятельности, духовной к крайне механистическому пониманию человека и его присутствия в мире. Вот что такое Болонский процесс, куда мы ввязались.

На сайте Томского университета — а этот университет считается одним из лучших у нас в России, в том числе и по преподаванию философии — есть страница, посвящённая материалам Болонского процесса, где каждый может получить исчерпывающую информацию и скачать посвящённые ему документы на русском языке. Там размещена книга, опубликованная в 2004 году в Санкт-Петербургском университете, «Болонский процесс в вопросах и ответах»². В написании этой книги участвовали и философы, в том числе один очень известный

² <http://www.inf.tsu.ru/Webdesign/bpros.nsf/news/020920052>

современный петербургский философ, прекрасный специалист по истории античной философии. Думаю, представители гуманитарного сообщества должны нести какую-то ответственность за свои слова, за то, что в 2004 году в этом тексте они посулили нам манну небесную, рассказали, как хорошо нам будет жить в условиях Болонского процесса, как повысится качество образования, как замечательным образом реформируется российская высшая школа. Приведу одну цитату: *«В Западной Европе наука и учёные сосредоточены в университете, поэтому развитие Болонского процесса, естественно, привело к появлению тезиса о преобразовании общеевропейского образовательного пространства в общеевропейское образовательное исследовательское пространство. Вовлечённость России в Болонский процесс, можно надеяться, послужит дополнительным стимулом для развития вузовской науки, а отсюда и высшего образования».*

Весь текст выдержан в подобной стилистике. Возможно, для его написания был выделен грант, людям заплатили, чтобы они объяснили, почему Болонский процесс — это так хорошо и так важно. Однако сейчас очевидно, что ничего из описанного в этом документе не состоялось, всё это оказалось полным блефом, но этот текст до сих пор добросовестно висит на сайтах многих университетов России. Он до сих пор убаюкивает нас, поёт колыбельные песни о том, как хорошо нам будет жить в единой Европе, где будут общие для всех выпускников вузов компетенции и академическая мобильность. Но, может быть, всё-таки надо совершить какой-то решительный, мужественный шаг, сорвать с себя розовые очки, увидеть реальность такой, какая она есть?

Я возлагаю большие надежды на Ольгу Юрьевну Васильеву, нынешнего министра образования и науки РФ, потому что она пришла в министерство из вузовской науки. Ольга Юрьевна была заведующей гуманитарной кафедрой, она историк, историк церкви, её высказывания на заседаниях в министерстве и в публичном пространстве свидетельствуют о том, что она действительно понимает те проблемы, которые стоят перед нами после затянувшегося романа с ЕГЭ. Но, к

сожалению, так устроен бюрократический механизм, что в нём очень часто один человек не может ничего решить. Поэтому в данном случае не стоит перекладывать всё на хрупкие плечи женщины, но стоит самим попытаться разобраться в этих вещах и не дать себя обмануть.

Нам непременно придётся возрождать образование. Возродить не потому, что оно было такое хорошее и всё в нём было прекрасно. В нём было очень много недостатков, особенно после 90-х годов, когда президент Ельцин фактически погубил российское образование, открыв столько университетов, сколько было пивных ларьков. Было 3,5 тысячи университетов с огромным количеством филиалов. Они были не заполнены, но нам говорили: «У нас демографический спад. Сейчас начнут больше рожать, и через 15-20 лет университеты заполнятся». При этом в этих университетах сидели бонзы-ректоры — управляющие, у которых было по 6 сотрудников, и они выдавали дипломы государственного образца. С этой и другими проблемами пришлось столкнуться и Филиппову, и Фурсенко, и Ливанову. Они пытались решать эти проблемы, но крайне неудачно. Чего стоит реформа Ливанова по слиянию вузов, когда объединяли те из них, которые не надо было объединять, те, что до этого прекрасно существовали на протяжении десятилетий, например, Государственный университет управления и МГЮА имени О. Е. Кутафина. Объединять надо было те вузы, которые были неэффективны.

Очень жаль, что имя прекрасного европейского города — Болонья — стало символом разрушительных и деструктивных тенденций, от которых страдаем и мы, и наши европейские коллеги. Я могу привести множество статей в немецкой периодике, рассказать о том, как чуть ли не плакала профессор университета Бордо-3, когда говорила мне про то, как студенты пропустили преподавателей сквозь строй: студенты выстроились в шеренги и маршем позора провели своих преподавателей, которые настаивали на чтении лекций, потому что лекция — это «тоталитарная форма обучения», от которой давно пора отказаться. Должна быть самостоятельная работа сту-

дентов, в крайнем случае, консультации, тьюторство. Нам даже трудно это представить. Мне рассказывали об этом как о реальности победившего троцкизма, потому что в высшей школе Франции до сих пор очень много троцкистов. Троцкизм был необычайно популярен среди студенчества 68 года, и сегодня эти студенты стали ректорами университетов. Мне рассказывали слависты, причём в разных странах — Франции, Италии, Венгрии, что теперь им приходится работать со студентами, которые абсолютно не знают русского языка. Раньше во Франции в университет приходили бакалавры, выпускники школ, с прекрасным знанием русского языка. Они читали Пастернака, Булгакова, писали диссертации о Мандельштаме. Теперь за 3 года обучения на первой ступени высшей школы преподаватели успевают лишь научить русскому языку абсолютно не знающих языка выпускников школ, и ни о какой серьёзной работе с русским материалом не может быть речи, поэтому единственное, на что способны эти выпускники университета впоследствии — выполнять функцию эскорта русских бизнесменов. Так, в Италии одна молодая девушка мне говорила: «Я хочу работать с русскими, они богатые».

О какой славистике, о какой науке может идти речь? В такой ситуации можно лишь научить ремеслу сопровождающего переводчика и отпускать в широкое плавание в мир, заниматься делами. Так что ситуация на Западе не лучше, чем у нас. Может быть, там, в отсутствие стандартов, большое многообразие курсов? В расписании лекций европейского университета плюральность, видимость многоветвистого дерева. Но это только видимость. За этим тоже стоит мимикрия и повторы одного и того же с разными названиями: курсы разбиваются на сегменты, создаётся видимость новых инновационных программ. Фактически даже в этом там сейчас та же ситуация, что и у нас. Магистры очень часто не идут в магистратуру по своей кафедре, потому что им тот же самый преподаватель будет читать тот же самый курс, который им читался на бакалавриате. Многие не хотят идти в аспирантуру, потому что в аспирантуре им снова будут рассказывать то же

самое, лишь назовут по-другому предмет. И такая ситуация не только в России, это общеевропейская ситуация, ситуация тупика европейского образования.

Что можно было бы сделать для исправления сложившейся ситуации? Вопрос непростой. Я бы начал его решение с отката в области поствузовского образования, то есть с реформы аспирантуры. И, насколько я себе представляю, именно такова стратегия нынешнего министра образования и науки — об этом она неоднократно заявляла. Необходимо вывести аспирантуру из системы обучения, вернуть ей статус поствузовского образования, чтобы человек защищал диссертацию и занимался научной работой. Это не школа, не студенчество, это время, когда молодой учёный, исследователь, не только активно занимается научной работой, быть может, наиболее активно за всю свою жизнь, но и начинает преподавать, сам начинает чему-то учить. Необходима ревизия и пересмотр Закона об образовании РФ, необходимо резкое сокращение аспирантуры и максимальное повышение её эффективности. Сегодня среди выпускников аспирантуры в среднем по стране только 20% защищают диссертации, то есть на четыре пятых обучение в аспирантуре — выброшенные на ветер бюджетные деньги. Этого нельзя допускать. По всей видимости, надо так выстроить входные требования, чтобы в магистратуру и аспирантуру поступали люди, близкие к специальности, чтобы не была возможна ситуация, когда выпускница консерватории может поступить в аспирантуру философского факультета без минимальной подготовки. Чтобы поступить в аспирантуру мехмата, нужно пройти полный курс высшей математики, отсидеть минимум 6 лет на лекциях, сдать сложнейшие экзамены, зачёты и только потом помышлять об аспирантуре. А после консерватории можно запросто идти и писать диссертацию по философии. Это ненормально. Кроме того, нужно суметь сохранить то, что ещё не разрушено, ту кафедральную структуру вузов, где она сохранилась. Нужно поддержать существующие научные школы путём грантов. Потому что сегодня РФ не выполняет такую функцию. Оче-

видно, что этот крупнейший российский научный фонд, на создание которого потрачено очень много денег, обслуживает политический и научный истеблишмент. Гранты это фонда, как правило, получают не талантливые, перспективные учёные, а администраторы от науки, люди, которые путём лояльности власти получили высокий статус в научном мире. Известно, что часто академиками становятся отставные политики или администраторы, что в Академию наук люди избираются не по результатам своих научных достижений, а по принципу почётной синекуры. Сейчас гранты распределяются таким образом, что их обычно получают люди с определёнными лоббистскими связями. Надо изменить систему дополнительного финансирования науки. Пока же она изменена в пользу того, что в гуманитарной отрасли знания разрушен эффективный инструмент РГНФ, который прекрасно работал в течение 20 лет и очень сильно поддерживал российскую науку, особенно в провинции. Сейчас же создан новый инструмент, который с самого начала стал работать из рук вон плохо, и лучше исправить это как можно скорее и не позволять этому маховику раскручиваться дальше.

Нужно на своём месте делать то дело, которое мы пока ещё можем делать — популяризировать науку, потому что если в публичном пространстве будет звучать слово «философия», «гуманитарные науки», то, наверное, будет меньше шансов, что нас закроют, упразднят. А что такое закрытие философии, мы знаем. Был опыт, когда князь Платон Ширинский-Шихматов, министр народного просвещения, в 1850 году сказал о философии: «Польза сомнительная, а вред очевиден». После этих слов философские кафедры в университетах России были закрыты на 10 лет, что привело к падению общего уровня университетского образования. Для историка науки это совершенно очевидно: возьмите Московский университет 40-х годов XIX века и сравните его с Московским университетом 60-х годов XIX века, где уже царит позитивизм, нигилизм, безразличие студентов. Конечно, причиной тому может быть не только запрет на преподавание философии, но и он

сыграл свою роль. Этот запрет был обусловлен реакцией на французскую и германскую революцию 1848 года. «Как бы чего не вышло!» «Не плодит ли философия безбожников?» Отказались от философии и восстанавливали её потом с большим трудом — благо, было из чего восстанавливать. Но может оказаться так, что пройдёт 10, 20, 30 лет и восстанавливать российскую науку будет уже не из чего. Речь здесь идёт не только о философии — проживём, наверное, и без философии, — но речь ведь идёт и о стратегических и важных для обороны, промышленности, благосостояния страны отраслях, в которых всё находится в таком же, а может быть, ещё и худшем состоянии, чем в гуманитарных науках. В Московском университете гуманитарные факультеты сейчас находятся в новом корпусе. Но зайдите, пожалуйста, на физический факультет, посмотрите, в каком состоянии сегодня находятся главные факультеты Московского университета. Это нехороший симптом. Причина этого в том, что если философы, или управленцы, или историки могут создать платные программы, курсы переподготовки, набрать платных студентов на внебюджет, то физики сейчас с трудом бюджет набирают. Деформация образования так далеко зашла, что уже трудно найти выпускников, которые могли бы составить конкурс на физический факультет и на мехмат МГУ. Конкурс упал ниже двух человек на место. Сейчас возможность школьника написать часть «С» в ЕГЭ по математике стала просто уникальной. С этим связано и падение уровня образования, и уровня жизни преподавателей, сотрудников этих факультетов.

ЯЗЫК И ВРЕМЯ: НА КАКОМ ЯЗЫКЕ МЫ БУДЕМ РАЗГОВАРИВАТЬ В XXI ВЕКЕ

Глобальные изменения в жизни людей, смена технологических укладов, войны, революции, кардинальная смена власти в ведущих странах всегда находили отражение в языке, если его понимать в широком смысле как способ мыслить и действовать. Ещё недавно доминировал язык, сложившийся во второй половине XIX — начале XX века. Это, если говорить сжато, смесь рационализма и авангарда, язык Ницше, язык модерна и его постмодернистских вариаций.

Особенности языка прошлого столетия берут начало ещё в литературе XIX века. В произведениях А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, в публицистике, философских работах уже употреблялись ставшие вскоре ходовыми слова и термины — «социализм», «коммунизм», «демократия», «либерализм», «права», «нация», «прогресс», «империализм». Ещё до начала Серебряного века и Первой мировой войны, ставшей точкой отсчёта новой реальности, они употреблялись в том смысле, в котором мы их понимаем до сих пор. Позже они были отягощены политическими процессами XX века, но в смысловой основе не изменились.

Это были сильные термины, они магически воздействовали на людей, обладали энергией, которая захватывала, отражала идеологию и дух революционной эпохи. Сила нового языка меняла многие понятия, ложась в основу политической и идеологической архитектуры XX века. Ведь в широком смысле язык — это способ мыслить и действовать, который включает в себя идеологию, культуру, ценности и веру. Когда идеология становится частью языка, она перестаёт осознаваться: из объекта превращается в метод познания.

В переломные периоды истории язык переживает глубокую трансформацию. Его внутренние, идеологические и ценностные изменения зачастую искажают и его физические формы: грамматику, орфографию, фонетику, даже шрифт. В начале прошлого столетия под натиском модернистских и революционных идей русский язык сполна испытал это на себе. Вспомним советский новояз. Или попытку заменить дни недели революционным пятидневным календарём, где не было ни субботы, ни воскресенья. Или авангардизм и ОБЭРИУТСТВО¹ в поэзии, которые на теле культуры словами высекали новые параметры красоты. ОБЭРИУТЫ говорили о себе: «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и созидатели нового ощущения жизни и её предметов». Трудно ответить на вопрос, кто кого созидал: поэты время или время поэтов. Но то, что время наполнилось новым духом, тогда ощущали все. Натиск этого духа на русский язык был столь сильным, что тот навсегда изменил свой облик, разделив историю на «до» и «после». Именно в нём было заложено всё то, чем нам запомнился XX век, — рубленый шрифт без засечек, радикальный модернизм в мышлении и секуляризм в сфере нравственности и образования.

Ныне мир рывками вступает в XXI век, что отражается и на политическом языке. Русские перешли в новое столетие в 2014 году после воссоединения с Крымом, англичане — 23 июня 2016 после решения выйти из ЕС (Brexit), американцы — 9 ноября 2016, когда избрали президентом Трампа, европейские государства в процессе перехода. Каждый такой переход связан с поиском нового языка, который сможет адекватно описать реальность и назвать вещи своими именами, уйдя от риторических клише гаснущих идеологий.

¹ ОБЭРИУ — Объединение реального искусства, неформальное движение писателей, поэтов и художников, существовавшее в советском государстве в 1927 – начале 1930-х годов. Её основали молодые поэты Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и другие. ОБЭРИУ двигалась в русле творческого авангарда того времени и ставила задачу продолжить революцию в языке через слом литературных и поэтических традиций через искусство абсурда и отмену логики и т.п. Многие участники ОБЭРИУ и их родственники были позже репрессированы, погибли в заключении.

Нарастающие конфликты — результат попыток истеблишмента ряда государств говорить на языке XX века и сохранять статус-кво устаревшей парадигмы в ущерб международной безопасности. Уклонение значительной части мировых элит от ответственности за судьбу нового столетия, отсутствие ясной и приемлемой модели будущего, понятных всем слов для её описания ведёт к росту мировой турбулентности и расширению зоны мирового хаоса. Пережить современный кризис и укрепнуть смогут только те народы, которые подберут точные и сильные слова для описания современной реальности. В связи с этим язык как мировоззренческая парадигма становится ключевым объектом информационных и, в частности, медийных войн.

Так на каком же языке будет разговаривать XXI век, и какие ценностные категории будут востребованы?

Этот язык можно назвать постсекулярным. Если в XX веке люди воевали за равноправие и гражданские права против империй и «недемократических режимов», то в XXI — за религиозные и духовно-нравственные ценности против режимов секулярных. Всё более востребованы религиозные традиции, а богословские понятия и ценности всё ощутимее становятся частью политики. Если прежде религия была периферийным дискурсом и вечной антитезой главенствующей секулярной культуры, то в XXI веке периферийными станут секуляризм и сциентизм (отстаивающий научное знание как наивысшую культурную ценность).

Язык XXI века — это постсекулярный язык. Он приходит на смену секулярному языку, который в XX веке доминировал и вытеснил традиционную религиозность из светского пространства.

У постсекуляризма ряд источников. Один из них — неоязычество, оно вдохновляет неонацизм и возрождает праворадикальные и регионалистские политические идеи. Энергия этого языка способна не только воодушевлять футбольных фанатов, но и устраивать цветные революции. Неоязыческий символизм берут на вооружение многие современные правые политические партии и движения

регионалистов. Если первые стремятся к усилению национальной независимости от глобалистских структур управления, то регионалисты рвутся к независимости от самих национальных государств, опираясь на вновь создаваемую региональную мифологию. С её помощью они конструируют и сакрализуют новые региональные идентичности и конвертируют их в политический ресурс.

Второй источник нового языка — в исламских традициях. В последние годы международный терроризм пытается присвоить этот язык себе. И надо признать, что как бы риторика запрещённого в России ИГИЛ ни резала наш слух, её притягательная для некоторых людей энергетика объяснима. ИГИЛ открыто говорит с постхристианским обществом на шокирующем языке агрессивной религии, борясь за собственные идеалы красоты, справедливости, добра и зла. Западной секулярной цивилизации подчас нечего противопоставить этому. Люди попадают под влияние идеологов ИГИЛ, потому что те дают свою целостную, религиозную картину мира. Вот некоторые названия номеров игиловского англоязычного интернет-журнала «Дабик», используемого для вербовки: «Потоп», «Провалившийся крестовый поход», «Закон Аллаха или законы людей», «Разбить крест». А такие выражения, как «кровь праведников», «джихад благочестивых», «борьба с армией крестоносцев», «апостасия» (отступничество от Бога) звучат там убедительней, чем творчество известного французского журнала карикатур, — особенно для молодых людей, не имеющих жизненных перспектив или разочарованных в окружающем постмодернистском мире. Однако терминологии и идеям ИГИЛ может быть противопоставлена только религиозная терминология. Поэтому можно предвидеть, что в борьбе с языком террористов укрепится язык мирного ислама, который рано или поздно выдвинет свой проект по реформированию западной культуры.

Одновременно с этим в постхристианских странах намечается процесс христианского возрождения — третий источник нового языка.

Как и сто лет назад, Россия сегодня первой не побоялась заговорить на новом языке. Помимо массы англоязычных слов, наводнивших нашу речь, неотъемлемой частью современного русского языка уже стали церковные, религиозные и богословские термины. Стали звучать названия православных праздников, церковных чинов, богослужебных предметов. Всё чаще слышен язык проповеди, в основе которого термины и цитаты из Писания и Предания. Восстановленные храмы преобразуют язык социокультурного ландшафта наших городов, а обращение к судьбам новомучеников и исповедников восстанавливает духовную связь времён.

Однако изменения в языке связаны не только с возвращением каких-то дореволюционных терминов («духовенство», «пост», «прихожане», «паломничество»), но и с наполнением базовых культурных понятий новым, религиозным звучанием. В их числе — «семья», «вера», «любовь», «справедливость», «свобода», «милосердие», «самоограничение», «жертвенность», «единство» и другие. В официальных документах и публицистике их всё чаще определяют как традиционные ценности, которые обладают непреходящим, надысторическим характером. Эти ценности становятся и полем сражения, и политическим ресурсом.

Поиск религиозных оснований культуры становится востребованным с закатом секулярной эпохи, когда утилитарная этика, то есть светская, рациональная и относительная, уступает место этике трансцендентной — абсолютной, религиозной.

Этот процесс отражают и скандалы, например, вызванные законом о запрете пропаганды идей ЛГБТ среди несовершеннолетних, осуждением плясок в храме Христа Спасителя, спектакля «Тангейзер» или фильма «Матильда». Всё это не околоцерковные скандалы: речь идёт о конфликте между традиционным религиозным языком и секулярным языком либерального модерна.

Однако модерн как проект закончился. Его современные, постмодернистские формы утратили за вторую половину XX века следы

христианских оснований. Если модерн — это христианство без Христа, то постмодерн — это модерн без христианства. Язык демократических ценностей перестал мотивировать людей. Существующие в нём ценностные понятия сначала перестали означать сами себя, затем стали означать нечто противоположное себе. При сохранении их словесной формы произошла деформация смыслов, разложенных провозглашённой относительностью морали. Слова из заповедей блаженства и проповедей Христа по-прежнему используются во всех европейских языках, однако уже лишены абсолютного, религиозного содержания.

Таким образом, постсекулярный язык — это язык, основанный на ценностях религиозных культур, который снова будет способен воодушевлять. Огромное влияние на него окажет христианство, но не только и не столько через специальные богослужебные или богословские термины. Новый язык — это наполнение важных для общества понятий традиционным, христианским смыслом, восстановление современного социокультурного пространства, опустошённого модерном и его постмодернистскими практиками.

Научное издание

Тетради
Русской экспертной школы
№ 2/2017

Главный редактор

В.А. Щипков

Ответственный секретарь

Е.Е. Мамаев

Корректоры

Н. Щипкова

А. Булычёва

Вёрстка

К. Струков

Издатель

Русская экспертная школа

vk.com/ruseschool

ruseschool@yandex.ru

Подписано в печать 20.03.2017
Формат 60x84/₁₆. Объем 6,9 усл. печ.л.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru